

Журнал Нижегородской духовной семинарии

ДАМАСКИН

№ 2 (52) ДЕКАБРЬ 2020

An abstract painting featuring two stylized figures, possibly saints or angels, mounted on horses. The figure on the left wears a red robe and a golden halo, while the figure on the right wears a green robe and a golden halo. The background is composed of swirling, expressive brushstrokes in shades of blue, green, and yellow.

Духовная
культура
Востока
и Запада

Журнал Нижегородской духовной семинарии ДАМАСКИН

№ 2 (52) декабрь 2020

Журнал Нижегородской духовной семинарии

Одобрено Синодальным отделом
по взаимоотношениям Церкви
с обществом и средствами массовой
информации

Главный редактор
иерей Виктор Плаксин

Заместитель главного редактора
Ю.А. Гуторов

Редакционный совет

Д. В. Семиков, А. В. Дьяконов,
протоиерей Василий Спирин,
иеромонах Лаврентий (Собко)

Вёрстка В.Г. Кочнев

Редактор-корректор Т.В. Семикопова

Учредитель и издатель
АНО «ПЦ „Логос“» (Автономная
некоммерческая организация
«Проповеднический центр „Логос“»)

Генеральный директор
А. С. Фролов

Адресс
бозо86, Нижний Новгород,
Ярмарочный проезд, д. 10

Адрес редакции
бозо86, Нижний Новгород,
Ярмарочный проезд, д. 10
Тел.: +7 (831) 246-73-95
E-mail: damaskin@nne.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер

ПИ № ФС 77-75718 от 13.06.2019 г.
Журнал размещен в научной электронной
библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован
в научнометрической базе РИНЦ (Российский
индекс научного цитирования) по договору
№ 381-09/2017 от 26 сентября 2017 г.

Подписанной индекс 51299

Тираж 2250 экз.

Печать: типография «Ридо»
бозо74, Нижний Новгород,
ул. Шаляпина, д. 2а

Дата выхода: 17 декабря 2020 г.

Цена свободная

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов публикаций

Слово главного редактора

Проблема «Восток-Запад», по представлению многих исследователей культуры, является одной из наиболее значимых для человечества. Историки и богословы с древнейших времен зафиксировали ее в своих произведениях, привлекая внимание к существенным различиям между Востоком и Западом в способах жизни, характере политического правления, в богословской мысли.

На протяжении тысячелетий человеческой истории Восток и Запад достаточно конфликтно противостояли друг другу, и напряжение этого противостояния во многом определяло развитие культуры и политических процессов общества. Одновременно их взаимодействие и влияние друг на друга никогда не прерывались.

В конце концов, суть проблемы «Восток-Запад» заключается в том, что человечество, будучи единственным по происхождению и физиологии, является поразительно отличным и непохожим в своих восточных и западных социокультурных проявлениях. И эта непохожесть заставляет, с одной стороны, расширять и углублять наши представления о человеке и его возможностях, а с другой — пытаться понять ее причины, искать пути взаимообогащающего диалога.

Первый проректор Нижегородской духовной семинарии,
иерей Виктор Плаксин

Духовная культура Востока и Запада

© Фото с сайта PxHere

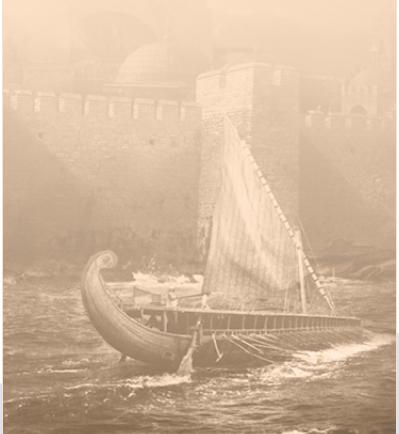
**О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?**

Р. Киплинг. «Баллада о Востоке и Западе»
Перевод Е. Полонской

Юрий Александрович
Гуторов,
магистр педагогики,
магистр богословия,
преподаватель
Нижегородской духовной
семинарии

ТЕМА НОМЕРА

Проблема «Восток-Запад» в творчестве евразийцев

Евразийство возникло в самом начале становления культуры русского зарубежья как форма самосознания русской эмиграции первой волны и как способ преодоления национальной трагедии, какой была для большинства русских эмигрантов Октябрьская революция и большевистская диктатура.

Евразийцы ставили своей целью объяснить и в значительной степени оправдать культурные и политico-идеологические изменения, которые происходили в Советской России после Октября. Русская революция рассматривалась ими как логическое продолжение и завершение трагедии общеевропейской войны, ознаменовавшей собой глубокий и непреодолимый кризис европеизма, не осознанный до конца в самой Западной Европе. Октябрьская революция для евразийцев — суд над петербургским периодом русской истории, над основными тенденциями развития новоевропейской культуры.

Революционная трагедия, обнажившая трещину в русской и европейской культурах, явилась тем катарисом, который,

с точки зрения евразийства, поднял Россию на новую ступень исторического самосознания, оказавшуюся недоступной европейцам, что и предопределило духовное избраничество русских эмигрантов по отношению к их инокультурному западно-европейскому окружению. Российская цивилизация поэтому предстает в контексте новоевропейского развития не столько как европейская «периферия» мировой культуры, сколько как «магистраль» всемирно-исторического культурного развития, представляющая собой своего рода «равнодействующую» европейских и неевропейских факторов мировой культуры. Именно на пересечении европейских и неевропейских культурно-исторических тенденций, согласно евразийству, разрешается общеевропейский кризис, т. е. совершается «исход к Востоку».

Восток, по мысли евразийцев, отличает от Запада вера и культура, пронизанная идеей православия, или «идеей-правительницей», которая формирует своим воздействием весь строй духовной жизни, создает в себе государственность особого, идеократического типа. Идеократичность требует жертвенности, но эта жертвенность осуществляется не во имя расплывчатого понятия «народ» или отвлеченного «человек», а во имя срединного понятия «особый мир», под которым мыслится «Россия-Евразия». Целое мировой культуры евразийцами мыслится как совокупность различных картин мира, выражаяющих локальные культуры, взаимодействующие между собой

или борющиеся друг с другом; из этих процессов складывается морфология мировой истории.

Культура трактуется как «организм», развивающийся по законам своей внутренней формы, и одновременно как «первофеномен» всякой истории; в каждой культуре различаются ее потенциальные возможности и ее чувственное проявление в истории как постулат, осуществление этих возможностей. Исчерпанность внутренних возможностей европейской культуры означает выдвижение на первый план мировой истории

внутренних возможностей иных, не западных, культур и восстановление мирового культурного баланса за счет внеевропейских ориентиров и критериев развития и совершенства.

Национальная самобытность русской, сформировавшейся в результате «туранизации», традиции во всем противостоит западно-европейской: континент противоположен океану; кочевническая степь — неподвижной оседлости; близость к природе и ландшафту — европейскому отчуждению от естественности и техницизму европейской цивилизации; вера — западному экономизму; «вертикаль» напряженных духовных исканий православия — «горизонтали» властных амбиций католицизма; коллективизм и «соборность» — индивидуализму и эгоизму; душевная стойкость и верность национальной традиции — размытости и неопределенности; государствоцентризм и идеократия — аморфному демократическому плюрализму и идейному либерализму.

Для евразийства Россия — наследница не только Византии, но и кочевой империи Чингисхана, облагороженной православием. «Под названием Евразии, — указывал Г. В. Вернадский в работе «Начертание русской истории», — здесь имеется в виду не совокупность

Европы и Азии, а именно Срединный Материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделен как от Европы, так и от Азии¹. Так как Евразия сама по себе представляет особое целое, то отсюда с необходимостью вытекает и неизбежность ее политического единства. Первыми всю ее объединили монголы. «...Чингисхану, — писал Н. С. Трубецкой, — удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света»².

В последующем эту задачу взяла на себя Российская империя, которая стала преемницей монгольской. «История русского народа, — утверждал Г. В. Вернадский, — с этой точки зрения есть история постепенного освоения Евразии русским народом <...> русская история до конца XIX в. далеко не совпадает с историей Евразии. Лишь с последней четверти XIX в. история России есть, в сущности, история Евразии»³.

Идеологи евразийства акцентировали внимание на духовной близости России и Азии. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» на основе анализа языка, музыки, устной поэзии, права и религии выделил общие черты туранского психологического типа. По его словам, типичный представитель туранской психики «характеризуется душевной ясностью и спокойствием, отсутствием «разлада между мыслию и внешней действительностью, между догматом и бытом»⁴. Рас-

1 Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага, 1927. С. 7.

2 Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 215.

3 Вернадский Г. В. Цит. соч. С. 12.

4 Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 141.

сматривая роль туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, Трубецкой указывает, что эта роль была положительной. После публикации этой работы евразийство стало восприниматься как попытка философски обосновать «азиатский» облик России и связанную с этим ее уникальность.

Евразийцы по-новому посмотрели на этническую историю России. Это выражалось в идее Трубецкого о синтетической природе русских. Русские не славяне и не тюрки, не арийцы и не азиаты, из двух этнических компонентов — арийско-славянского и туранского — появился уникальный синтез. Трубецкой подчеркивал, что «если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»⁵.

В таком подходе евразийцы были не единственными. Современник и оппонент евразийцев Н. А. Бердяев, определяя особенности русского характера, признавал, что народ русский по душевной структуре народ восточный, что Россия — это христианский Восток, который в течение столетий подвергался сильному западному влиянию. «В России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное»⁶.

Евразийцы, как и славянофилы, подчеркивали, что нельзя считать Россию «отсталой частью Европы», она

особое «месторазвитие». Евразийцы считали, что Россия не есть Европа с ее романо-германской цивилизацией, но не есть она и Азия, быт и культура которой дали известные элементы в сокровищнице русской культуры. Россия есть как бы синтез, сопряжение этих двух культур в культуре третьей, которую они называли «евразийской». История мира знает такие мощные культуры: эллинистическую, сочетавшую в себе культуру Греции с культурами Востока, и, как ее продолжение, византийскую культуру.

Восприятие Востока у евразийцев во многом было связано с пониманием сущности византийской культуры. «Сущность византийской культуры определяется сочетанием многообразнейших элементов. Токи религиозных, художественных и других импульсов, шедших с Востока, из Палестины, Сирии, Армении, Персии, Малой Азии, а также из некоторых частей Африки, сопрягались здесь с восприятием западной государственной и правовой традиции. Также соприкосновение со степнями культурами, столь определяющее для образа русской культуры, не прошло в свое время бесследно для Византии»⁷, — писал П. Н. Савицкий. Таким образом, понимание византийской культуры как евразийской расширило

⁷ Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 105.

5 Там же.

6 Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Наука, 1990. С. 44.

представление об основах русской культурно-исторической традиции. Византийская культура является тем основанием, на котором созидалась русская цивилизация. Влияние Византии надолго установилось в культурной истории России. Но евразийцы, наряду с этим влиянием, подчеркивали и влияние степной цивилизации.

Евразийцы считали, что эта степная цивилизация сыграла большую роль в деле строительства русской государственной храмины и отразилась на бытовом укладе русского народа, его языке и т. д. «Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими царями, а туранскими монголами»⁸. Россия сложилась как самостоятельная цивилизация при сочетании собственно славянского начала с туранским. Наследие татаро-монгольского периода было, по мнению евразийцев, тем важнейшим элементом русской истории, который превратил несколько периферийных раздробленных восточно-славянских княжеств в остов мировой империи. Те сектора Киевской Руси, которые подпали в XIII веке под европейское влияние,

постепенно растворились в нем, утратив политическую и культурную самостоятельность. Те земли, которые вошли в состав Орды, позже стали ядром континентальной империи. Евразийцы считали, что монголы во многом сохранили духовную самобытность Древней Руси, которая воскресла в Московском царстве.

Вслед за Трубецким и Савицким Вернадский в статье «Два подвига св. Александра Невского» обосновал евразийскую интерпретацию монгольского ига. Таким образом, истоки единства России-Евразии восходили, по мысли Вернадского, Савицкого, Трубецкого, к империи Чингисхана, сыгравшей важную роль в государственном строительстве и сохранении православной веры в условиях идейной и военной угрозы со стороны Запада. Напротив, европеизация России привела к извращению самобытности России, замутнению национального самосознания интеллигенции, бездумно воспринимающей западные образцы, что привело к расколу культуры на «низы» и «верхи», а в конечном итоге — к революции.

Исходя из такого необычного видения истории России, евразийцы намечали особую политическую концепцию: «...Для того чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного

8 Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 59.

государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым»⁹. При этом классовый субстрат способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно только при наличии этнического субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Следовательно, национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация — евразийская.

Итак, одно из основных положений евразийства гласит, что Россия не может следовать всецело по пути европейского культурного развития, потому что она входит в состав особого мира, представляющего собою своеобразное совмещение европейских и азиатских жизненных стихий. «Русская культура сочетает элементы европейской и азиатской культуры, сводит их к некоторому единству»¹⁰, — читаем мы в статье Савицкого «Евразийство». Сказав, что русская жизнь в своем историческом развитии представляла синтез европейских и азиатских начал, евразийцы, однако, не совершили принципиального открытия, — и географы, и историки, и экономисты всегда учитывали то, что Россия сложилась на стыке Европы и Азии. Новое в том, как евразийцы толкуют понятие синтеза. По их мнению, синтез различных

начал состоит во взаимном столкновении синтезирующихся начал, в результате чего Азия должна восторжествовать над Европой по той причине, что душа русского народа по сути более азиатская, чем европейская, и весь русский европеизм представляет собою не что иное, как внешний налет, искусственно навязанный русскому народу. И потому он должен исчезнуть, лишь только Россия вновь проявит со всей силой свою истинную азиатскую духовную природу. Таким образом, евразийство есть призыв к борьбе против европейских элементов в русской культуре.

Итак, можно сказать, что евразийцам не удалось однозначно разрешить проблему Востока и Запада, однако во многом их опыт систематизации знаний относительно российского общества в области культурологии, географии, экономики, лингвистики, истории, социологии и других отраслях научного знания принес свои плоды. Им принадлежит немало научных открытий в различных областях науки. Их теории, если и не во всем получили подтверждение, то, несомненно, послужили стимулом к развитию научной и философской мысли.

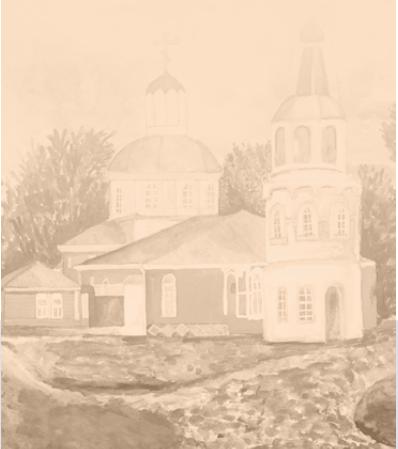
9 Флоровский Г. В. Окамененное безчувствие: По поводу полемики против евразийства // Путь. № 2. 1926. С. 98.

10 Савицкий П. Н. Цит. соч. С. 103.

Александр Владимирович
Ворохобов,
доктор философских наук
и кандидат богословия,
доцент, проректор
по научной работе
Нижегородской духовной
семинарии

ТЕМА НОМЕРА

Особенности и принципы **русского национального самосознания**

Национальное самосознание — ключевая составляющая духовной жизни общества. Это не просто одна из черт какого-либо общества, но способ его существования. В научной литературе существует разномыслие в понимании сущности и структуры национального самосознания. Одни авторы толкуют его расширительно, отождествляя с духовным обликом нации. Другие не видят разницы между национальным самосознанием и национальным сознанием. Третьи в структуру национального самосознания включают национальные интересы. Такое понимание национального самосознания фактически делает национализм неизбежным и обязательным спутником нации¹.

1 Мухамметбердиев О. Б. Национальное самосознание. М.: Луч, 1992. С. 37.

Национальное самосознание — непременный участник всех процессов межнационального общения. Интегральным признаком национальной идентичности личности является её национальное самосознание, а для нации — это система нациообразующих признаков². Если отдельная личность может быть не связана с определенной этнической территорией, с языком своей национальности, то нация не может складываться и формироваться вне определенной территории, так как, не обладая своим языком, национальное самосознание фиксируется на раздвоенности явлений на национальное и инонациональное, не имея механизма асимметрической их оценки. В составе нации имеются различные социальные группы с различными позициями в национальном вопросе: гуманисты, националисты и шовинисты. Обыденное понимание национального самосознания не имеет четкости и концептуальности. Позитивная оценка национального и заниженная, негативная оценка ценностей других народов — это функция национализма в отрицательных его

² Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Дробицева Л. М. – М., 1994. С. 114.

проявлениях. Наделять национальное самосознание функцией националистической оценки инонационального — это значит становиться на сторону нарушителей мира и согласия между народами³.

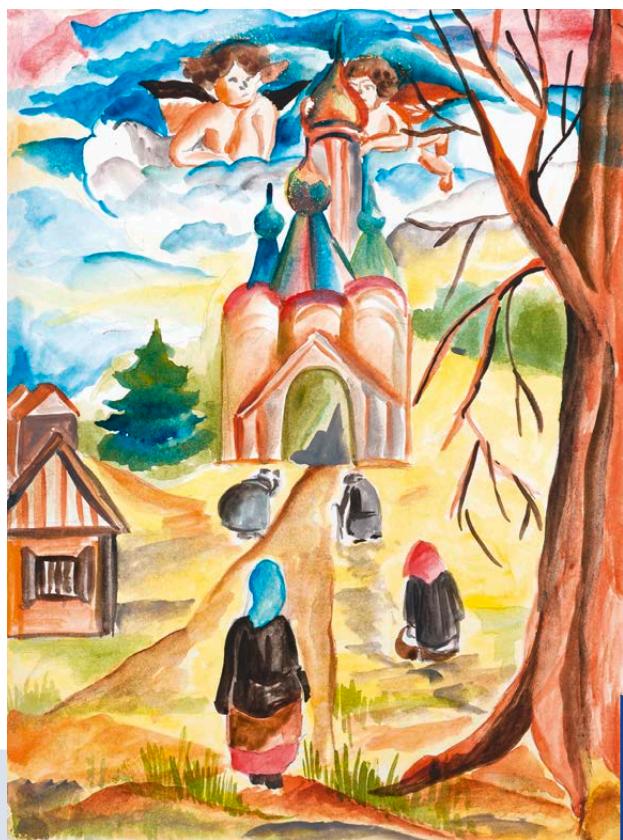
Самосознание всегда возникает как продукт рефлексии, как результат отношения к себе со стороны другого субъекта. Это либо отдельный человек (индивиду, личность), либо исторически сложившаяся общность людей (нация, народ). Рефлексия создается в процессе отношения к себе в конкретных социально-культурных условиях. Само-

сознание всегда связано с рефлексией, которая возникает только в определенных ситуациях, где человек или историческая общность (нация) сталкиваются с необходимостью пересмотра принятых форм деятельности, привычных представлений о мире и о себе, пересмотря установок и системы ценностей. В акте рефлексии человек или нация делают себя объектом осмыслиения.

Итак, национальное самосознание разделяет все явления и процессы, происходящие в общественной жизни, на национальное и инонациональное. При этом происходит идентификация личности, большой группы

³ Там же. С. 123.

людей с определенной национальностью (я — русский, я — француз, мы — русские, мы — французы) и возникает представление о том, что эти ценности — наше национальное достояние, а эти — не наше, инонациональное. Национальное самосознание — это фиксация национального и инонационального. Оно способствует внутренненациональной интеграции (мы — русские, они — украинцы и т. д.) и межнациональной дифференциации (они — не русские, они — не украинцы). От национального самосознания неотъемлема культура.

Итак, национальное самосознание надо рассматривать в соотношении с такими понятиями, как нация, этнос, народ, самосознание. Эти составляющие являются квинтэссенцией национального самосознания, они отражают саму суть этого понятия. Нация, в светском понимании, выступает как высшая ступень социально-этнического ряда, в которой синтезированы этническое и социальное.

Она выступает и как структурообразующий принцип всей совокупности общественных отношений (материальных и духовных). Светское понимание нации в общих чертах не противоречит христианскому. Однако стоит отметить, что светское понимание нации представляет собой некий конгломерат, в то время как христианское понимание более ёмкое, насыщенное благодаря соотнесению нации с отечеством небесным. Оно включает в себя взаимное общение и любовь людей одной национальности. Самосознание всегда возникает как продукт рефлексии, как результат отношения к себе со стороны другого субъекта. Это то, что создается в процессе отношения к себе в конкретных социально-культурных условиях. Самосознание всегда связано с рефлексией, которая возникает только в определенных ситуациях, где человек или историческая общность (нация) сталкиваются с необходимостью пересмотра принятых форм деятельности, привычных представлений о мире и о себе самом, пересмотр установок и системы ценностей. В акте рефлексии человек или нация делают себя объектом осмысления. Национальное самосознание определяется ориентацией этносоциальных общностей на выделение себя из системы межнациональных связей и отношений.

Русский философ Иван Александрович Ильин был одним из немногих мыслителей, которые рассматривали духовные основы национального самосознания через призму христианской нравственности. Философ обосновывает русское национальное самосознание посредством христианского понимания любви. Христианство принесло в мир дух любви, который в национальном самосознании обретает новые формы. Это любовь к отечеству земному и любовь к отечеству небесному.

Для христианина характерна не простая приверженность к внешней обстановке и формальным признакам быта, но любовь к духу, который их создал и нашел в них свое отражение. Важно не внешнее само по себе,

а внутреннее, «не видимость, а сокровенная и явленная сущность»⁴.

«Человек не может не любить свою родину, — считает И. А. Ильин, — если он не любит ее, то это означает, что он ее не нашел и не имеет. Ибо родина обретается именно духом, духовным голодом <...> кто не ищет Божественного в земном, тот может и не найти своей родины»⁵. Родина определяется как духовная реальность. Она воспринимается непосредственно духовным опытом человека, и для обретения ее человеку необходима «личная духовность»⁶.

Любовь к родине должна быть оправдана и исходить должна из признания действительного, не мнимого, а «объективного достоинства»⁷. Любить родину — значит любить то, что на самом деле заслуживает любви. Тогда любящий ее находит в этом свое «жизненное самоопределение и свое счастье»⁸.

Итак, главной духовной основой является христианская любовь, которая оживотворяет дух нации. И. А. Ильин отмечает, что эта любовь может быть как инстинктивная, так и духовная. И то, что должно быть достигнуто,

есть «взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине»⁹.

И. А. Ильин говорит о необходимости именно христианских духовно-нравственных основ. Это объясняется тем, что он жил в эпоху прихода большевиков к власти в России. Иван Александрович очень резко обличал политику Ленина. Утопизм Ленина Ильин видел именно в атеизме. «Давно стала расхожей фраза, что мы живем в безбожные времена. Безбожие породило революцию,

разрушило русское государство с его тысячелетней историей и культурой и насадило в народе дух бунтарства и нигилизма. Безбожие прокатилось чудовищным катком по России, уничтожив храмы

9 Ильин И. А. Религиозный смысл философии. С. 125.

4 Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 130.

5 Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2006. С. 248.

6 Там же. С. 249.

7 Там же. С. 247.

8 Там же. С. 248.

монастыри, кладбища... Но самое страшное — уничтожило тысячи жизней»¹⁰. Естественным следствием атеизма является обесценивание человеческой жизни в ее духовно-нравственном аспекте.

Мораль, нравственность, духовность — все это не имеет никакой ценности для человека. «Для безбожника-материалиста земная жизнь — единственная и последняя жизнь, которая самодостаточна»¹¹. Но именно мораль и нравственность являются основой духовности. Отвергать их — значит отвергать духовность. Дух, по Ильину, — это орган Богообщения. В духе, душе и теле христианин осознает себя Божиим созданием. Он знает, что он дитя Божие и подобие Божие. Материя и телесность для него — нечто второстепенное: не единственное и не основополагающее, а, скорее всего, то, чем управляет дух. Безбожник ничего не желает знать о духе: для него он выдумка. Для него существует лишь материя, телесные потребности, инстинкты и влечения. Он — материалист, точнее, «воинствующий материалист»; а потому

он «враждебно» и «беспощадно» относится к религии¹².

В одном ряду с национальным самосознанием находится национальное чувство. Оно обнаруживается в природном, инстинктивном, бессознательном взаимном тяготении людей одной нации друг к другу. Национальные чувства распространяются не только на людей одной нации, но и на все то, что окружает человека, то, что он считает родным. Унылый русский пейзаж, нагоняющий скуку на иностранцев, русским дорог и мил. Почему? Что русских привлекает даже к отрицательным сторонам нашей действительности? Почему «и дым отечества нам сладок и приятен»? Никто не ответит, ибо

12 Там же.

10 Ильин И.А. Кризис Безбожия // <http://www.ladim.org/st03b3700101.php>

11 Там же.

эта любовь безотчетная, бессознательная. Национальное чувство присуще всем народам от дикарей, ведущих звероподобную жизнь, до высококультурных. Вся разница между теми и другими в этом отношении заключается в том, что у народов малокультурных национальное чувство сопровождается глубоким презрением, отвращением, даже враждой ко всему чужому, иноземному, чего народы культурные не обнаруживают.

Национальное чувство является первичным объединяющим началом нации. Явление более высокого порядка — национальное самосознание. Оно выражается в осознании самого себя частью своей нации. Человек сознает в себе не только свою личность, но и русского. Он узнает в своем типе, в складе своего характера многие общерусские черты.

Из совокупности национального чувства и национального самосознания слагается так называемый национализм. Истинный национализм — это любовь к своему народу, это жертвенность во имя его силы и величия, это желание встать на защиту родной земли.

Государство вправе требовать от всех своих граждан, без различия национальности, безусловной верности и готовности умереть за него. Этого требует элементарная справедливость, ибо, предъявляя эти требования, государство со своей стороны оберегает своих граждан от внешней и внутренней опасности и содействует их благосостоянию как духовному, так и материальному. Св. ап. Петр писал христианам: «будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховой власти, правителям ли, как от него посыпаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Петр. 2: 13–14). Требуя от всех своих подданных преданности, государство не может требовать от всех его членов проникновения русским национализмом. Это противоречило бы природе человека, согласно которой каждому народу, как бы ничтожен он ни был, присущ свой собственный национализм. Поэтому в каждом государстве может быть только один

патриотизм и столько национализмов, сколько народностей входит в его состав.

Итак, можно искать путь развития и функционирования русской нации, исходя из национальных традиций, опираясь на национальную культуру и в то же время творчески используя достижения других цивилизаций. Высшие проявления национального духа не могут оставаться достоянием только одной нации, они получают статус общемировых достижений. Однако при взаимодействии с другими культурами важно сохранять «коренные начала» собственной духовной традиции. Именно на этом пути Россия сможет сохранить свое неповторимое место в мировой истории и достойно ответить на вызовы глобализации.

Протоиерей Василий
Спирин,
магистр философии,
преподаватель
Нижегородской духовной
семинарии

ТЕМА НОМЕРА

Западная философия

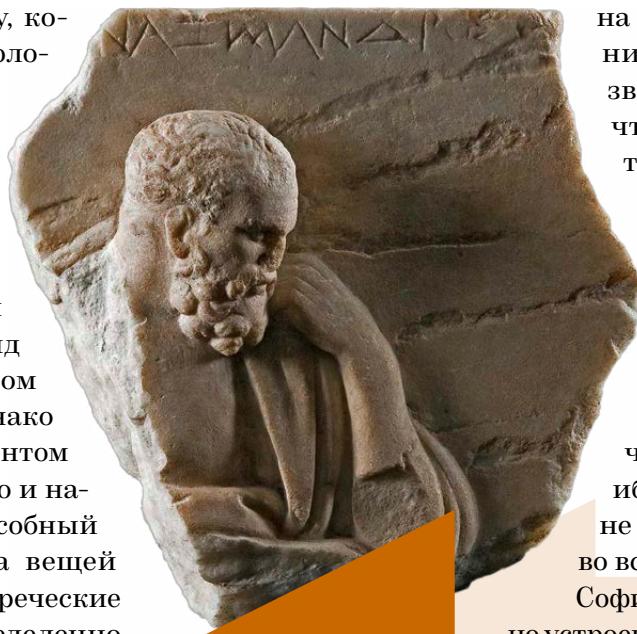
в поисках границ разума

В истории философии вопрос о статусе разума, его познавательных возможностях и границах всегда был движущей силой самой философии. Философия всегда стремилась встать на прочный фундамент автономного разума, освободиться как от обыденного мышления, так и всякой идеологии. Тяготение к рациональности изначально было родовым признаком философского знания. Однако в истории не раз случались моменты, когда сами философы начинали сомневаться в возможностях разума, откуда закономерно следовало сомнение в возможности философии. Но это не приводило к смерти философии, подчас ее развитие, несмотря на потерю рациональных оснований, продолжалось очень плодотворно. И почти всегда эти кризисы стимулировали новый всплеск «веры в разум» и новую волну философского творчества.

Философия начинается скепсисом (*skeptikos* (греч.) – «разглядывающий», «расследующий»), попыткой объяснить мир имманентно, т. е. исходя из самого мира. Так мыслили милетские философы, пытаясь возвести единство многообразного

мира к первопринципу, который уже не был мифологической фигурой, как не был и очевидностью для обывателя (особенно *апейрон* Анаксимандра). Бессмыслицны споры о том, что же такое *архэ*, — материя или идея? Милетцы вряд ли рассуждали на таком уровне абстракции. Однако начиная с них инструментом познания (философского и научного) стал разум, способный к постижению смысла вещей и самого себя. Первые греческие философы вполне определенно высказываются о границе познавательных способностей. Фалес задает вопрос: «Что трудно?» — и сам отвечает: «Знать себя»¹. У Гераклита *логос* — закон мира — управляет всем, в том числе и самими людьми. Его надо открыть, обнаружить, признать и вне себя, т. е. в мире, и в самом себе. Философ говорит: «Всем людям дано познавать самих себя и быть целомудренными»², и «мудрость в том, чтобы знать все как одно»³. Однако толпа занимается обжорством, а мудрецы утонули в многознании; в конечном счете и те и другие «обмануты явлениями»⁴. Отсюда следует своего рода гносеологический элитаризм — истина открывается только избранным. При этом истина носит абсолютный характер, и она, выражаясь современным языком, трансцендентна. У того же Гераклита читаем: «Чьи только речи я не слышал, никто не доходит до того, чтобы понимать, что Мудрое ото всех обособлено»⁵. А Ксенофан заявляет следующее: «[Есть] один [только] бог, меж богов и людей величайший, / Не похожий

Анаксимандр

на смертных ни обликом, ни сознанием»⁶. Это позволяет сделать вывод, что высшую истину, интересующую ранних греческих мыслителей, можно описать апофатическим образом, можно лишь указать на нее, давая отрицательные определения, которые говорят о том, чем она не является, ибо человеческий разум не способен вместить ее во всей ее полноте.

Софисты вносят в гармонично устроенный мир досократиков субъективные черты, приводящие в итоге к релятивизму. Если для Гераклита разум — общее свойство людей, и всякий, кто использует разум, не может не прийти к познанию логоса, то уже у Протагора «человек есть мера всем вещам»⁷, а по Горгию, вообще «ничего не существует»⁸. В движении софистов заметно интересное противоречие: с одной стороны, интерес к человеку, гуманистический (как

⁶ Там же. С. 172.

⁷ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 348.

⁸ Цит. по: Секст Эмпирик. Против ученых // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 73.

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 103.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 239.

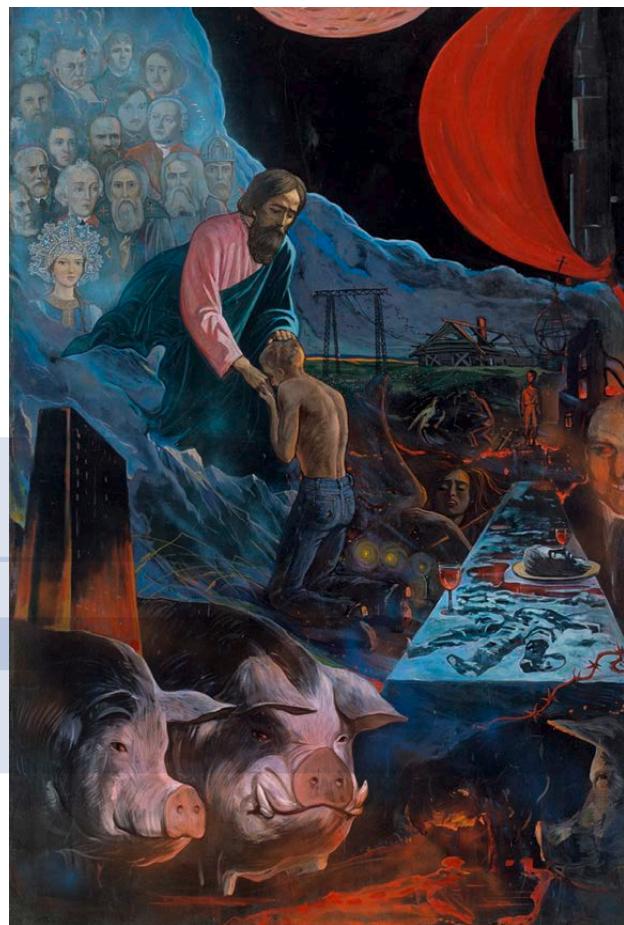
бы мы сейчас сказали) подход, провозглашающий достоинство человека (не природа-фюсис, а человек становится предметом философии), но с другой стороны, полное недоверие к разуму, сомнение в его познавательных способностях и в достоверности истины. Пиррон, основатель античного скептицизма как школы, возвел скепсис в жизненный принцип. Однако он не скептик-гносеолог, а скептик-моралист, имеющий чисто религиозное недоверие ко всем вещам этого видимого мира (на его мировоззрение повлияла встреча с индийскими гимнософистами во время восточного похода Александра Македонского, из-за чего Пирронова философия возвела в идеал аскезу и атраксию). Античный скепсис был во многом религиозным скепсисом, обусловленным конкретной религиозной прагматикой. Скепсису, как правило, подвергался процесс чувственного восприятия, и это недоверие к чувствам

характерно для всей античности. Но и разум дает не больше истинного знания, чем чувства, как следует из учения Секста Эмпирика. Он пишет, что «скептическая способность есть та, которая противопоставляет каким только возможно способом явление мыслимому; отсюда, вследствие равносильности в противоположных вещах и речах мы приходим сначала к воздержанию от суждения, а потом к невозмутимости»⁹.

Глубоко вопрос о статусе разума в античности не ставился. И это непосредственно связано со слабой разработкой антропологических проблем вообще и проблемы личности в частности. Новую волну интереса к человеку принесло христианство. Проблема разума в христианстве ставится и решается вполне оригинальным образом. Не являясь философским текстом в античном смысле этого слова, Библия содержала комплекс не просто мировоззренческих, но именно философских идей. Многие из них были совершенно новыми для греко-римского мышления.

«Гносеологическая» установка, данная в Библии, — уверенность в реальности окружающей действительности вне человеческого сознания. Библия далека от всякого солипсизма, ей чужда идея иллюзорности мира. Для библейского человека мир реален, он удобен и хорош, он создан специально для него. Вплоть до Декарта реальность мира не ставилась под сомнение, и это, несомненно, библейское влияние на философию. Из Священного Писания прямо следует разумность законов природы: раз Бог «все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11: 21), значит, человек способен эти законы познать. При этом важно познание мира не самого по себе, но как творения Божьего, показывающего всемогущество Творца. Апостол Павел в Послании к римлянам пишет: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1: 20). Это не что иное, как выражение средневекового эпистемологического метода.

9 Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1976. С. 208.

Рене Декарт

Иммануил Кант

Георг Фридрих Вильгельм Гегель

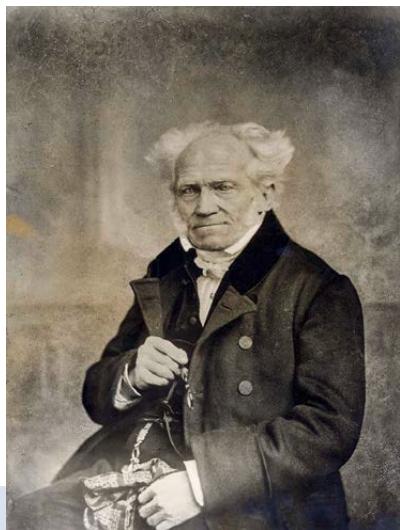
С этих пор вплоть до Нового времени природа рассматривалась в ключе креационизма как благое творение благого Бога. Все это можно назвать библейским рационализмом. Один из идеологов средневековой эпохи, Августин, написал трактат «Против академиков», т. е. против скептиков, считая, что разум имеет способность адекватного познания истины.

Из библейского рационализма следует, что христианство не является иррациональной религией. В основе христианской культуры лежит слово Писания, а где есть текст, там предполагается вербальное (т. е. рациональное) понимание. Разум не отвергается в христианстве, для этого нет оснований ни в Писании, ни в Предании. Апостол Павел задает направление средневековой диалектики веры и разума: «Я знаю, в Кого уверовал» (2 Тим. 1: 12). У схоластов это стало методологической проблемой, проблемой, которую надо решить еще до всякого философствования и богословствования. Эта проблема прошла путь от «верю, ибо абсурдно» Тертуллиана через Августиново «вера ведет разум» к схоластическим синтезам разума и веры, с обязательным акцентом на их «гармонии», но в итоге — к теории двух истин и распаду схоластики.

Начиная с эпохи Возрождения задачей философии становится эманципация разума. Разум выходит из-под чисто внешнего контроля

веры и начинает прокладывать себе путь, освободившись от религиозного контроля. Новое время начинается как освобождение разума от идолов (Бэкон), философия опять начинается с сомнения (Декарт), познание освобождается от эмоциональной сферы и «геометризуется» (Спиноза) и в конце концов заходит в тупик абсолютного материализма (французские просветители) и абсолютного идеализма (Гегель), где и в том и в другом случае разум выступает в роли познающей машины, не оставляющей после себя ничего непознанного.

В данную схему, естественно, не укладываются некоторые философы Нового времени. Это те мыслители, которые со скептических (Монтень, Юм) или с религиозных позиций (Паскаль) критиковали познавательную непограниченность разума. Но лишь Кант довел методологический скептицизм до уровня критики метафизики *per se*. Критический пафос Канта направлен на разум рационалистов декартовского типа, на пассивный разум эмпириков, на догматический разум вольфианской метафизики, на плоский разум просветителей, полагающих, что многообразие явлений природы имеет свое основание в движущейся материи (Гольбах). Кант ставит вопрос о границах познания на качественно ином уровне. «Нелепо надеяться узнать о каком-нибудь предмете

Артур Шопенгауэр

жем дать никакого определенного понятия о том, чем могут быть вещи сами по себе»¹¹. Это ограничение познавательных возможностей разума лишь сферой опыта фактически превращает всякую метафизику в фикцию, несмотря на то, что, с точки зрения самого Канта, метафизику как науку можно построить на априорных синтетических суждениях. Кроме того, существует еще и ограничение разума верой, его бессилие в познании сверхъестественного. Все сверхъестественное, сверхприродное необходимо постулировать («постулаты практического разума»): бытие Бога, свободу воли и бессмертие души, ибо все это принадлежит ноумenalному миру, познание которого невозможно. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант заявляет: «Мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере»¹².

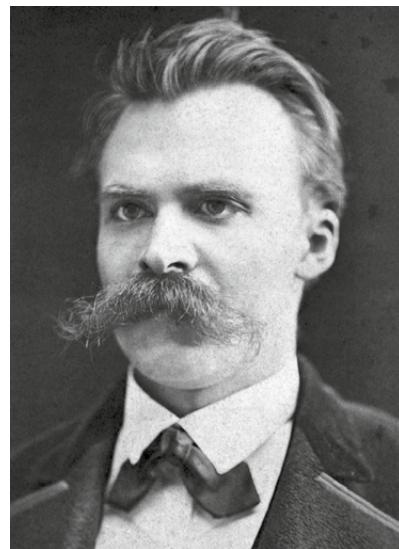
Как ни странно, но кантовское ограничение разума приводит к гегелевскому абсолютному рационализму. Не случайно, что один начинает, а другой завершает самый сложный этап истории западной философии. Глубоко

больше того, что принадлежит к возможному опыту его, или узнать о такой вещи, которая не есть предмет возможного опыта»¹⁰. «За пределами всякого возможного опыта мы не мо-

прониквшись кантовским антиномизмом, Гегель, однако, отказывается считать что-либо непознаваемым; в итоге мы имеем философский театр, в котором разум играет все возможные роли, то и дело меняв маски.

Следующий диалектический виток спирали (выражаясь языком самого Гегеля) — реакция на панлогизм и абсолютный рационализм гегелевской системы. На смену бесконечно познающему разуму приходят иррациональные, внераумные и неразумные основания: иррациональная воля (Шопенгауэр), воля к власти (Ницше), интуиция (Бергсон), страдающее, расколотое сознание (экзистенциалисты). В ХХ веке вся философия двигалась все дальше и дальше от абсолютного познания. Постструктурализм и постмодернизм завершили дело разрушения разума, причем мыслители всерьез заговорили о смерти философии.

Бессспорно, что гносеологическая проблематика, а именно вопросы о границах познания, о познавательных возможностях разума, легла в основу всей западноевропейской философской мысли. И в этом одновременно ее сила и слабость, ее фундаментальное противоречие. Это противоречие стало плотью и кровью всей западной культуры. И если сейчас разложение западноевропейского мышления дошло до крайней отрицательной точки, то история философии подсказывает нам, что данный кризис будет преодолен как все подобные кризисы, но теперь уже с одним принципиальным условием — если для этого хватит времени...

Фридрих Ницше

10 Кант И. Прологемы ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 173.

11 Там же. С. 174.

12 Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 95.

15
сентября

В Нижегородской духовной семинарии прошла проверка Учебного комитета

15 сентября 2020 г. ректор Нижегородской духовной семинарии митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий провел встречу с представителями комиссии Учебного комитета Русской Православной Церкви, прибывшими для инспектирования деятельности духовной школы. Во встрече приняли участие председатель Учебного комитета РПЦ протоиерей Максим Козлов, специалисты УК по координации научной деятельности в духовных учебных заведениях Денис Макаров и по работе с центрами подготовки церковных специалистов Николай Свокс, пресс-секретарь УК Илья Никишов, первый проректор Нижегородской духовной семинарии иерей Виктор Плаксин, проректор по учебной работе Д. В. Семиков.

Проверка, которую возглавил председатель Учебного комитета РПЦ протоиерей Максим Козлов, прошла в Нижегородской духовной семинарии 14-15 сентября. Члены комиссии осмотрели помещения семинарии, пообщались с преподавателями и учащимися, провели тестирование студентов выпускного курса бакалавриата.

17
ноября

Литературный вечер «На волне поэзии»

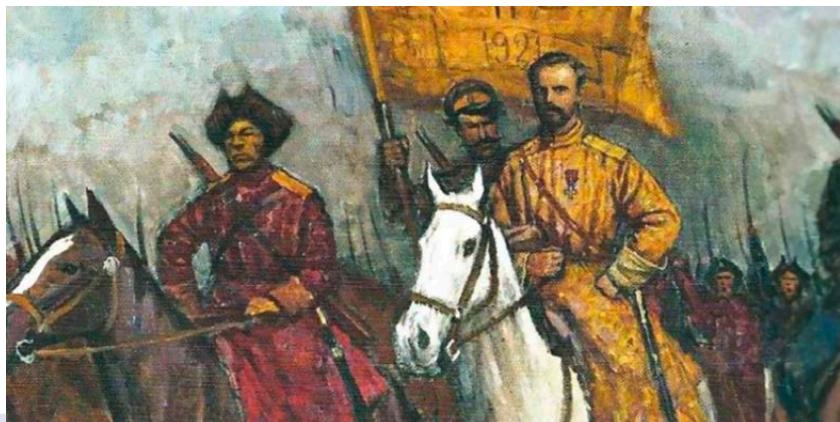
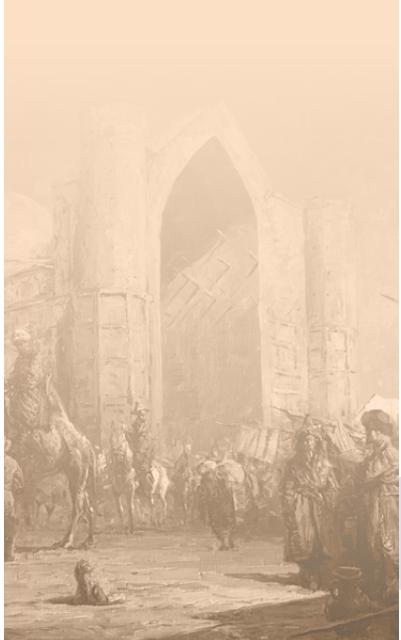
17 ноября на площадке Нижегородской духовной семинарии состоялся творческий вечер молодых поэтов «На волне поэзии». В мероприятии приняли участие студенты семинарии и Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минаева. Звучали произведения начинающих авторов, обсуждались актуальные вопросы поэтического творчества, которые, как оказалось, волнуют всех, потому что так или иначе связаны с жизнью даже тех, кто далёк от поэзии. Неофициальная часть вечера прошла за традиционным для русской культуры чаепитием, после которого осталось послевкусие волнующей интриги и ожидания новой встречи с искренней и свежей поэзией юности. Подборка стихов студентов НДС и НГПУ будет опубликована в филологическом журнале Нижегородского педуниверситета «Филония».

Даниил Викторович
Семиков,
кандидат философских
наук, преподаватель
Нижегородской духовной
семинарии

ТЕМА НОМЕРА

Черный барон и красная Монголия

Европейцы мы или азиаты? Вопрос далеко не праздничный. Русь всегда была между Востоком и Западом, в силу чего у нас гораздо больше, чем у китайцев, оснований называть себя срединным царством. Занимая такое геополитическое положение, Русь веками была невольным щитом Европы, защищая её от азиатских орд. Впрочем, есть и другое мнение: Россия — форпост Азии, представляющий постоянную опасность для европейской цивилизации. В общем, как говорят французы: «Поскреби русского — найдёшь татарина».

Самое интересное, что мы и сами не знаем ответа на этот вопрос. Начиная с эпохи царя Петра I русский человек примеряет на себя европейский костюм, но не ряженый ли он при этом? И не вызваны ли были исторические катаклизмы, которые Россия претерпевает последние столетия, тем, что костюмчик оказался не по размеру?

Ну а когда все началось? Когда Русь оказалась между Европой и Азией? В XI веке Русь — еще вполне Европа: русские княжны выходят за европейских принцев, а русские князья берут в жены европейских принцесс. Но все меняется в XIII веке, когда орды монгольского хана Батыя в два похода превратили русские княжества в пустыню и одновременно с Запада началось давление со стороны молодой католической Европы.

Был ли у наших предков цивилизационный выбор? Конечно, не было. Монголы были непобедимы, а Запад слишком опасен

из-за культурной близости. Монголы могли уничтожить, но не могли ассимилировать, а вот Европа вполне могла культурно переварить православную Русь.

Но с веками все поменялось. Русь превратилась сначала в Московское царство, а потом и в Российскую империю, оказывая неуклонное цивилизационное давление на Восток, причем это было движение европейской цивилизации в Азию. Для японцев или китайцев русские были такими же европейцами, как и англичане. Дошли русские и до Монголии.

Восток для Запада всегда представлялся не только загадочным, но и исполненным священного ужаса. Вполне по-европейски настроенный русский философ Владимир Сергеевич Соловьёв в последние годы своей жизни был буквально одержим образом «панмонголизма». Он ждал из сердца Азии монгольских орд, которые должны были поставить точку в истории европейской цивилизации.

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно...*

В конце времён азиаты сокрушают Россию и Европу, открывая последний акт исторической драмы и предуготовляя путь Антихристу:

*Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть...*

*И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвёртому не быть.*

Первое четверостишие данного стихотворения позже будет использовано русским мыслителем в качестве эпиграфа к эсхатологическим «Трём разговорам», включающим «Краткую повесть об антихристе». Соловьёв предлагает свой сценарий конца нашего мира, по которому богдыхан Срединного царства, объединившего Японию, Китай, Монголию, Тибет и Юго-Восточную Азию, ведёт свои бесчисленные орды на Запад, сметая и Россию, и Европу. После свержения власти азиатов старая Европа трансформируется в Европейские соединённые штаты, которые включают в себя, наконец, и европейскую часть России. И именно в этих штатах и приходит к власти антихрист¹.

В последние месяцы жизни Соловьёв видит подтверждение своим страхам в «боксёрском восстании» в Китае. Именно этому была посвящена статья «По поводу последних событий», которая стала последней и для самого Соловьёва, увидевшего в китайских событиях начало азиатского нашествия, когда «незданно занял историческую сцену сам дедушка-Кронос в лице ветхого деньми китайца, и конец истории сошёлся с началом»².

Заметим, что в своих опасениях насчёт Азии Соловьёв вовсе не был первым. Данный сюжет мог быть навеян ему историософскими построениями великого русского мыслителя, дипломата и писателя Константина Николаевича Леонтьева. Если для Соловьёва азиатское нашествие есть лишь прелюдия к эсхатологическим событиям, то для Леонтьева китайцы становятся прямо народом Апокалипсиса. «Полагаю, что китайцы назначены завоевывать Россию, когда смешение наше с европейцами... дойдёт до высшей точки, — писал он

1 Более подробно см.: Соловьёв В.С. Краткая повесть об антихристе // Соловьёв В.С. Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 736–759.

2 Соловьёв В.С. По поводу последних событий // Соловьёв В.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 10. СПб., 1914. С. 225–226.

В. В. Розанову. — И туда и дорога такой России.
„Гоги и магоги“ — finis mundi!»³

В высшей степени неудачная русско-японская война 1904–1905 годов только усилила эти настроения. Параллельно этому рос интерес к восточной экзотике, что подогревалось быстро распространявшимися оккультно-теософскими идеями. В то же время в дореволюционной России ещё с середины XIX века формируется солидная востоковедческая школа, представленная такими именами, как о. Палладий (Кафаров), В. П. Васильев, И. В. Минаев, Ф. И. Щербатский, С. Ф. Ольденбург, О. О. Розенберг — учёными-востоковедами мирового значения. Определённый спрос на восточное в русской культуре Серебряного века был, но эта культура являлась декадентски-европейской.

События 1917 года расставили акценты по-новому. То, что Февраль был революцией буржуазной и прозападной, сомнений не вызывает. Но в отношении Октябрьской революции такой однозначности нет. Символист и поэтический наследник Владимира Соловьёва, гениальный Александр Блок, как известно, принял и осмыслил октябрьские события. Тема «панмонголизма» была развита им в стихотворении «Скифы», написанном в страшном 1918 году. Эпиграфом к этому творению Блока служат всё те же соловьёвские строки. Но имя «панмонголизм» Блоку уже не ласкает слух, он разворачивает идею Соловьёва на 180 градусов: Русь поворачивается к Европе своим азиатским лицом.

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы,
и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас — века, для нас — единий час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит между двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Но во время революционных событий Европа пытается растащить то, что осталось

³ Леонтьев К. Н. Письмо к В. В. Розанову // Русский вестник. 1903. Кн. 5 (май). Т. 285. С. 181.

от царской России. У стихотворения был исторический повод — срыв мирных переговоров с немцами. Блок угрожает тем, что за Россией стоит азиатская бездна, которая откроется Европе и поглотит её — при молчаливом бездействии русских.

*Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

В страшные революционные годы не один Александр Блок обратил своё внимание на Восток, влекущий и красных, и белых своими огромными ресурсами и не менее огромной архаической силой, что особо ощутима в страшные эпохи. Солнце старой Европы закатывалось, об этом тогда любили говорить и сами европейцы, можно вспомнить хотя бы Освальда Шпенглера. На фоне обезумевшей и зыбкой Европы Восток представлялся чем-то стабильным, вечным и ужасающим в своём историческом безмолвии.

Восток и революционная стихия порождают одного из самых таинственных лидеров белого движения, «священного монстра» — барона Романа Фёдоровича фон Унгерна-Штернберга.

Его личность даже в советском изводе была романтизирована. Он как раз тот самый «чёрный барон», что, согласно знаменитой советской песне про непобедимую Красную армию, «снова готовит нам царский трон»⁴. Убеждённый монархист, потомок тевтонских рыцарей, Унгерн стал священным ужасом Азии. Захватив в 1921 году столицу Внешней Монголии Ургу, он восстановил монархию слепого тулку-перевоплощенца

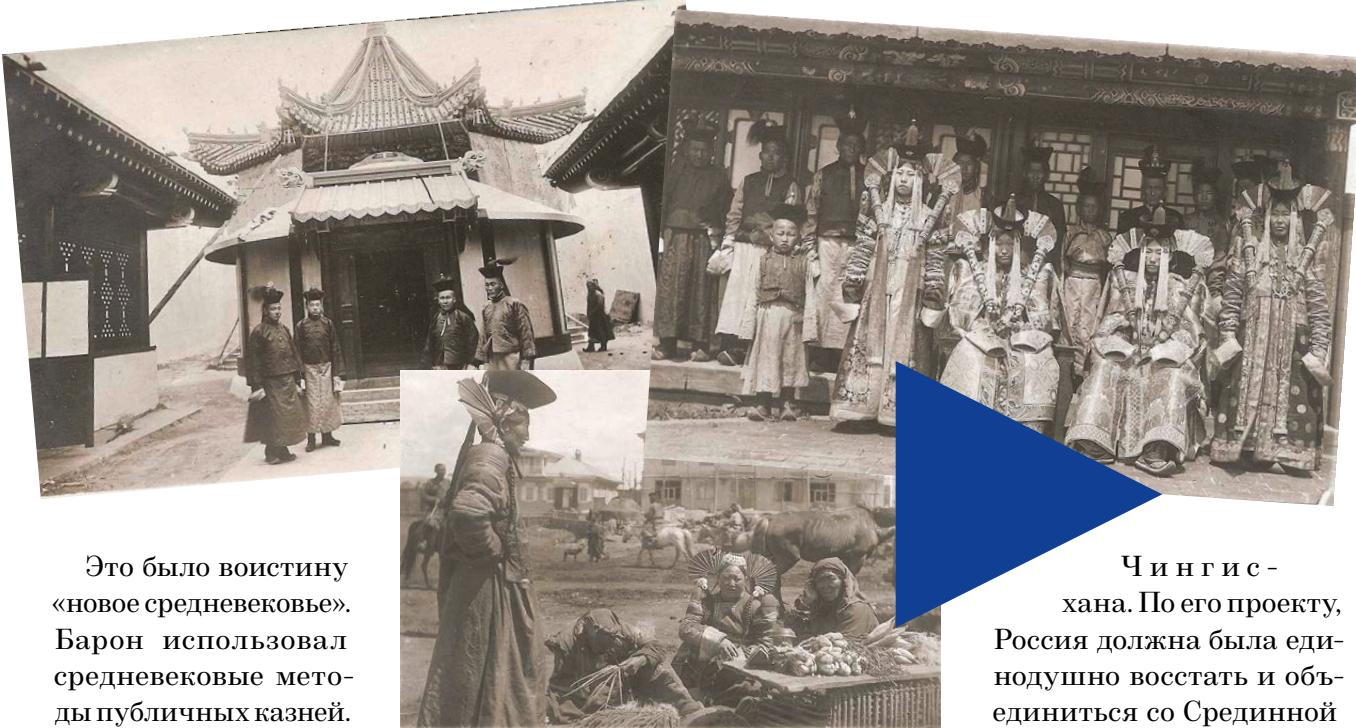
⁴ Белая армия, чёрный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

Богдо-гэгэна VIII и под его патронатом стал править железной рукой.

Восстановление монгольской монархии было важной составляющей несложной идеологии, исповедуемой Унгерном. Ярый монархист, Роман Фёдорович ненавидел революцию и вообще всё, что вело к свержению монархий. «Единственно, кто может сохранить правду, добро, честь и обычай, так жестоко попираемые нечестивыми людьми — революционерами, это цари, — писал барон одному из монгольских князей. — Только они могут охранять религию и возвысить веру на земле. Но люди корыстны, наглы, лживы, утратили веру и потеряли истину, и не стало царей. А с ними не стало счастья, и даже люди, ищущие смерти, не могут найти её. Но истина верна и непреложна, а правда всегда торжествует... Самое наивысшее воплощение царизма — это соединение божества с человеческой властью, как был Богдыган в Китае, Богдо-хан в Халхе и в старые времена русские цари»⁵.

⁵ Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 годы. М., 2003. С. 96.

Это было воистину «новое средневековье». Барон использовал средневековые методы публичных казней. Последовательному геноциду подверглись евреи и все сочувствующие советской власти. Правой рукой Унгерна, его палачом, исполнителем его воли был полковник и маньяк Сипайло. «Согласно довольно достоверной легенде, Сипайло отрезал голову своей любовнице, заподозренной в связях с большевиками... Ужасы Гражданской войны нам известны; возможно, Сипайло и был чудовищем, и Унгерн использовал его для кровавой работы, сомнений нет. Но то была иная действительность. В Урге мёртвых выбрасывали на специальное место к обрыву у реки, где их пожирали, сколько им угодно, священные собаки. В этом контексте, среди раскрашенных тибетских храмов, в дыму жаровен, у бронзовых статуй Будды, у красочных рынков, среди сотен тысяч побирающихся монахов с чашами, и Унгерн и Сипайло выглядят менее страшно. Экзотичное средневековье Монголии — вполне адекватный фон для этих средневековых персонажей»⁶.

Из Монголии Унгерн предпринял попытку крестового похода против Советской России. Цель похода барона Унгерна в Советскую Россию, ни много ни мало, — возрождение империи

⁶ Лимонов Э. Священные монстры // <http://lib.rus.ec/b/111250/read#t41>

Чингисхана. По его проекту, Россия должна была единодушно восстать и объединиться со Срединной империей (понимаемой им не как Китай, а как страна кочевников от Тихого океана до Каспия, наследница Великой Монгольской империи). Но затея изначально была утопичной, и Унгерн отступил перед превосходящими силами Красной армии.

Летом 1921 года войска РСФСР, Дальневосточной республики и красных монголов нанесли ряд поражений Унгерну. В Урге было создано Народное правительство, власть Богдо-тэгэна была ограничена. После его смерти в 1924 году Монголия была объявлена народной республикой.

Когда почва стала уходить из-под ног барона, он попытался прорваться в Тибет: возможно, в священную Шамбалу. Во всяком случае в его ставке в Урге красные найдут русский перевод «Молитвы о рождении в Шамбале». Вряд ли Унгерн знал Калачакра-тантру, тибетский памятник X века, в котором впервые упоминается Шамбала, но он вполне мог быть знаком с предсказаниями жившего в XVIII веке Панчен-ламы III, о том, что последний царь Шамбалы Ригден-Джапо (монг.) начнёт священную северную войну с неверными, после победы в которой «жёлтая вера» распространится по всему свету. В «Азиатской дивизии»

Унгерна была тибетская сотня. А сам он поддерживал связь с Далай-ламой XIII. Унгерн верил в эти пророчества и связывал их с пророчествами книги Даниила, в частности с местом из 11-й главы: «Под конец же времени сразится с ним царь южный, и царь северный устремится, как буря, на него — с колесницами, всадниками и многочисленными кораблями, — и нападёт на области, наводнит их, и пройдёт через них» (Дан. 11: 40).

В эмигрантской мифологии Тибет связывался ещё и с именем великого князя Михаила Александровича, младшего брата св. царя Николая II, убитого также в 1918 году. Но слухи о его побеге тогда постоянно ходили. В 1922 даже вышел фантастический роман Петра Краснова «За чертополохом», в котором великий князь Михаил Александрович умирает в одном из тибетских монастырей, и из Тибета возрождённая Белая армия идёт освобождать Россию от большевиков.

Но поход чёрного барона в Тибет не удался, сами белогвардейцы считали переход через пустыню Гоби самоубийством, и, несмотря на страх перед Унгерном, войско взбунтовалось.

Барон бежал, но в результате попал в плен к красным. Его судили в Новониколаевске, а обвинителем выступал Ярославский, тот самый, что в будущем прославится как один из главных «безбожников» СССР. Для него Унгерн — мракобес и монархист, на этих двух пунктах и выстраивает он своё обвинение, крича с пафосом в зале суда: «Они считают, что

не только нужно установить некий ряд обрядов, они верят в какого-то бога, верят в то, что этот бог посылает им баранов и бурят, которых нужно вырезать, что бог указывает им звезду, бог велит вырезывать евреев и служащих Центросоюза, всё это делается во имя бога и религии»⁷.

Барон с неизбежностью был расстрелян, но остался легендой, причём преимущественно для западных людей,

увлечённых восточной экзотикой. В течение всего XX века и вплоть до наших дней авторы популярных книг называли его «белым рыцарем Тибета», «воином Шамбалы», «Махакалой» и т. п. Со временем его смерти всё ещё ищут в разных частях Монголии и Забайкалья клады барона Унгерна. В России, Польше и Китае объявлялись его «потомки», но все претензии такого рода основаны на легендах или фальсификациях.

Вспоминают барона Унгерна и в связи с образом Шамбалы. Интересно, что обозом в войске барона командовал родной брат Николая Рериха — Владимир. Сам Николай Рерих поначалу был настроен к советской власти оппозиционно, но в середине 1920-х резко изменил свою позицию. С 1926 года Рерих начинает писать о «махатме Ленине», сравнивать коммуну с сангхой (буддийской общиной). В Хотане, около горного хребта Ак-Таг, во время известной экспедиции в Тибет у Рерихов появились знаменитые «Письма Махатм» для передачи Советскому правительству и ларец с гималайской землёй на могилу «махатмы Ленина». Все дары Рерих вручил лично наркому Чicherину в июне 1926 года, а тот передал их в Институт Ленина. Также в Хотане ещё ранее, в 1925 году, художник задумал картину «Гора Ленина», которая хранится сейчас в Нижегородском музее изобразительных искусств.

⁷ Цит. по: Юзефович Л. Самодержец пустыни: барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010. С. 599.

На картине чётко прорисован легко узнаваемый образ вождя мирового пролетариата. Позже Рерих переименовал картину в «Явление срока». В его экспедиционных дневниках мы встречаем следующую запись: «Гора Ленина высится конусом между двух крыльев белого хребта. Лама шепчет: „Ленин не был против истинного буддизма“»⁸.

Рассчитывая на поддержку Москвы, Рерих объявляет большевиков воинами Шамбалы. «Из глубин Азии Рерих вёз в подарок Советскому правительству серию своих картин „Майтрея“. Семь завораживающих полотен были пронизаны чувством ожидания прихода Майтреи... Понятия Шамбалы и Майтреи Рерихи напрямую связали с коммунистическими идеалами. Майтрея воплощает в себе коммунизм». «Шествие коммунизма нужно крепко сплести с именем Майтреи. Таким образом закладывалось начало нового религиозного движения в Азии. Оно основывалось на том, что лучшие умы Востока видели в учении коммунизма единственную возможную эволюцию человечества, то есть коммунистическая община вполне согласуется с мировой общиной Будды. Первая картина „Шамбала идёт“ из упомянутой серии является главной. Художник изобразил скачущего в облаках на белом коне Владыку Шамбалы, будущего освободителя народов от мирового зла Майтрею»⁹.

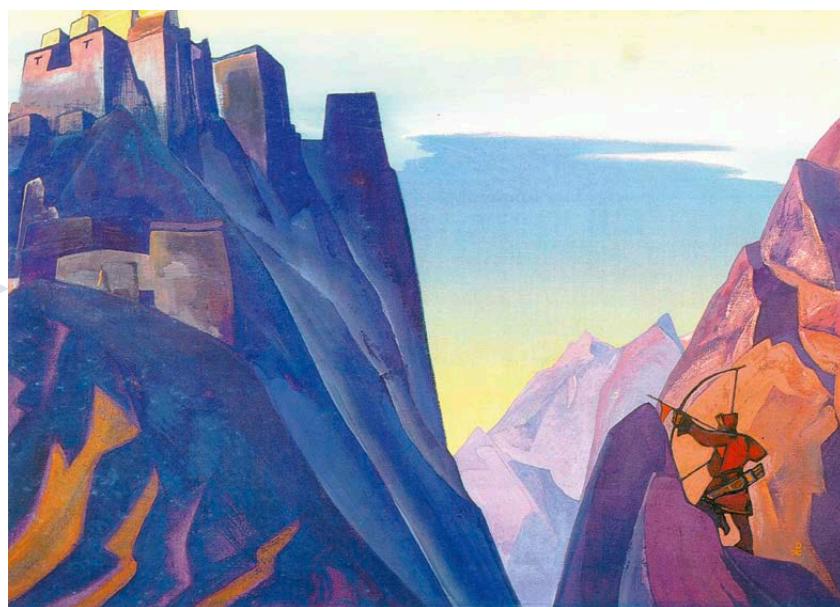
Впрочем, советские музеи отказались принять такой подарок, всё-таки дух Шамбалы был чужд пролетарскому искусству. Ныне картина «Шамбала идёт» считается утерянной, другие же шесть сначала находились на даче у А. М. Горького, а позднее были переданы

в Нижегородский музей изобразительных искусств.

Впрочем, идея буддийско-советского синтеза нашла поддержку в коммунистической Монголии. В 1927 году Рерих дарит монгольскому правительству картину «Великий Всадник». Репортаж о передаче картины правительству Монголии был опубликован в русскоязычной газете «Известия» (Улан-Батор Хото), там же помещено и письмо Н. К. Рериха: «Монгольский народ строит своё светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несётся над просторами Монголии. На нём весь доспех и знамёна заповеданных сроков... Пришли опять лучшие времена Азии». Принимая «дар исключительной ценности», председатель правительства Цырен Дорджи произнёс ответную речь: «Пусть идея нашего общего Учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображённому на этой картине»¹⁰.

Во всем этом есть историческая ирония: потомок ливонских рыцарей, верно служивший русскому царю, возродил Монголию, некогда погубившую Русь, однако Монголия сразу же шагнула из азиатского средневекового

10 Передача Монгольскому Правительству картины Академика Н. К. Рериха // Известия (Улан-Батор Хото). 1927. 18 марта. № 20 (364).

8 Рогов В. Великий Всадник. О Ленине и символике звезды на картинах Николая Рериха // Вестник Ариаварты. 2002. № 1. С. 40.

9 Там же. С. 43-44.

буддизма в европейский социализм, оставшись все-таки тем, чем и была, — страной скотоводов.

А мы так и остались срединным царством, ибо для европейцев мы — азиаты, а для азиатов — европейцы, и даже Советский Союз ничего не смог изменить. Возможно, мы действительно, согласно пророчеству К. Н. Леонтьева, можем склонить чашу весов в последнем споре между Востоком и Западом. Свирепость, фанатизм и демоничность Востока или потребительское благодушие, бездуховность и секуляризм Запада? Но и духовность бывает разная, как показывает пример наших героев.

Конечно, возможно, что Запад победит «тихой сапой» и для китайца европейский костюм станет второй кожей. Но есть в Китае древняя легенда о зеркальном народе, которую нам передаёт Хорхе Луи Борхес в «Книге вымышленных существ». В этой легенде говорится, что в древние времена, в отличие от нынешнего времени, мир зеркал и мир людей не были разобщены. Кроме того, они сильно отличались, т.к. не совпадали ни их обитатели, ни их цвета, ни их формы. Оба царства, зеркальное и человеческое, жили мирно, сквозь зеркала можно было входить и выходить. Однажды ночью зеркальный народ заполнил землю. Силы его были велики, однако после кровавых сражений победу одержали волшебные чары Императора. Он прогнал захватчиков, заточил их в зеркала и наказал им повторять, как бы в некоем сне, все действия людей. Он лишил их силы и собственного облика и низвёл до рабского отражения. Но придёт время, и они пробудятся

от колдовского заклятия. Они вновь станут отличными от нас, перестанут нам подражать. Они разобьют стеклянные и металлические преграды, и на сей раз их не удастся победить. Считается, что перед нашествием люди услышат из глубины зеркал бряцанье оружия, и это будет последний звук нашего мира.

Европа слишком долго заставляла Азию обезьянничать. Набрав силы, переняв технологии, не вспомнит ли Азия о своих традициях? Её свирепое небо помнит своих героев. Когда раздастся бряцанье оружия, по какую сторону зеркала окажемся мы? Или Азия никогда не проснётся, и мы угаснем в потребительском раю? Вопросы, вопросы, вопросы....

Религия и киноиндустрия: от истоков до новых религиозных движений

Ю.А. ГУТОРОВ, МАГИСТР ПЕДАГОГИКИ,
МАГИСТР БОГОСЛОВИЯ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
Нижегородской духовной семинарии

С появлением кинематографа возникло огромное количество картин, посвященных вопросам веры, Священному Писанию, образам святых. Более того, многие люди из фильмов заимствуют свои представления о религии, вере, Церкви, узнают о существовании ангелов и демонов, загробном мире, посмертной участи человека и многом другом. Представления эти часто своеобразны и, скорее, отражают понятия об этих вопросах самого режиссера или «дух эпохи», чем то, о чём расскажут религиоведы или священнослужители.

На Западе католическая и протестантская Церкви практически с появления кинематографа вступили в некоторое противостояние

с киноиндустрией. По мнению кинокритика К. Е. Разлогова, в этом вопросе западная Церковь руководствовалась двумя мотивами: нравственным — заботой о том, чтобы в кино не показывали то, что деструктивно влияет на моральный компас зрителя или оскорбляет религиозные чувства; с другой стороны, западная Церковь в какой-то степени видела в кинематографе конкурента, отрывающего у приходов прихожан и доход.

Советское государство рассматривало кинематограф как альтернативу Церкви (можно вспомнить статью Льва Троцкого «Водка, церковь, кинематограф»¹); однако на Западе главное стремление кинокорпораций было не идеологическим. Религиозную тематику использовали не потому, что искали замену Церкви, но по причине того, что данная тема

¹ Троцкий Л.Д. Водка, церковь и кинематограф // Проблемы культуры. Культура переходного периода // <https://public.wikireading.ru/108428>

была востребована и сулила значительную прибыль. «Используя всеобщую известность «священного писания» дельцы от кино собирали деньги с верующих и неверующих, а церковь при этом оставалась в стороне, зачастую даже выражая недовольство произвольнымиискажениями первоисточника»².

Однако Церковь как весомый общественный институт со своей стороны требовала, чтобы образ святых и священнослужителей в кино являл праведность, чистоту, воспитывал в зрителях уважительное отношение к религиозным традициям. Режиссёры, сценаристы и многие владельцы кинокомпаний смотрели на этот вопрос иначе. «За влияние над мировоззрением людей возникает соперничество между церковью и кинематографом»³.

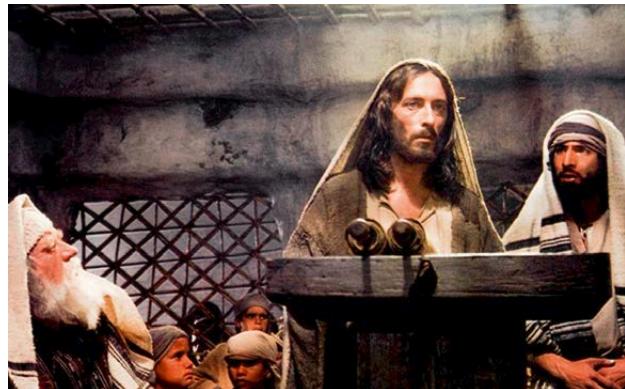
В некоторых приходах устраивались демонстрации с транспарантами «Билет на непристойный фильм — билет в ад». Появлялись «черные списки» фильмов, не рекомендованных к просмотру. Однако «церковное руководство выражало сомнения в целесообразности оглашения запретных картин, не без оснований опасаясь, что это может вызвать к ним повышенный интерес»⁴.

Со временем было сформировано несколько организаций, ставящих целью контроль кинокорпораций и предписание определённых правил съемки фильмов. Так, в 1922 году была создана Американская ассоциация продюсеров и прокатчиков (MPPDA), которую до 1945 года возглавлял деятель республиканской партии и представитель Пресвитерианской Церкви Уильям Хейс. С его именем связано проведение в жизнь политики союза с Церковью на основе внутреннего контроля над кинопроизводством на всех его этапах. В 1930 году увидел свет

² Разлогов К.Э. Боги и дьяволы в зеркале экрана: Кино в западной религиозной пропаганде. М.: Политиздат, 1982. С. 3.

³ Зоркова Н. Образ священника в европейском и американском кинематографе. Часть 1 (1915–1960-е гг.) // Lumiere (Люмьер) – независимый журнал о кино // <http://www.lumiere-mag.ru/obraz-svyashhennika-v-evropejskom-i-amerikanskom-kinematografe-chast-1-1915-1960-e-gg/>

⁴ Разлогов К.Э. Цит. соч. С. 14.

«Иисус из Назарета», 1977 г.

знаменитый «Кодекс Хейса», остававшийся в силе до 1967 года.

«Кодекс Хейса» запрещал сцены насилия и жестокости, ни одна религия не должна была выставляться в смешном свете. Кодекс предписывал кинематографистам транслировать моральные принципы и патриотические чувства. Запрещалось транслировать наготу, извращения, секс, использовать нецензурную лексику и религиозную в ненадлежащем контексте. В кодексе было прописано: «Священнослужители... не должны выступать в качестве комических или отрицательных персонажей... Духовные лица в своей функции духовенства не могут быть обрисованы в комических тонах или невыгодных положениях... Закон — божественный, естественный или человеческий — не должен выставляться в смешном виде, его нарушение не должно вызывать симпатии»⁵.

Глава Ватикана одобрил кодекс и деятельность цензурных органов. Со стороны Католической Церкви фильмы получали оценку в следующих критериях: допустимые (A), вызывающие сомнение (B), недопустимые (C).

Коснулась тенденция запретов и отечественного кинематографа. Понятно, что советская власть, борясь с «пропагандой религии», предписывала свои ограничения, но и уже в дореволюционном отечественном кинематографе была значительная система запретов. В частности, запрещалось изображать:

⁵ Кодекс Хейса. Кодекс производства кинофильмов 1930-го года // <https://tvkinoradio.ru/article/article41-kodeks-hejsa>

«Бекет», 1964 г.

- Господа Иисуса Христа, Пресвятую Богородицу, ангелов, святых;
 - крест, церковную утварь;
 - внутренний вид православных храмов;
 - инсценировки явления умерших;
 - православные религиозные процесии;
 - богослужение всех христианских вероисповеданий;
 - религиозные обряды и таинства;
 - православных духовных лиц (священников, монахов, монахинь, епископов, патриархов).
- Тенденция накладывать ограничения продолжалась до 70-х годов прошлого века. Причиной снятия запретов было то, что в этот период мир переживал научно-техническую революцию, холодную войну и эпоху локальных войн. «Советский Союз и страны Запада, которых объединяло общее требование демократизации общественной жизни, захватила волна протестных движений. «Новые левые» в Европе и Америке активно боролись против институтов и образа жизни буржуазного общества, против его нравственных ценностей. Предельная цель — свобода от любых запретов... Был упразднен кодекс Хейса, ослаблена цензура, кино стало изучаться в университетах

как академическая дисциплина, технические возможности кинематографа возросли»⁶.

Помимо определенного конкурирования Церкви и кинематографа, некоторые западные церковные приходы стали использовать кинофильмы на приходах в целях привлечения прихожан и большего разнообразия приходской жизни.

Церковь санкционирует религиозные кинофильмы. Например, в 1943 году Католическим кинематографическим центром по заказу Ватикана снят фильм «Врата рая», а в 1977 режиссером Франко Дзеффирелли «Иисус из Назарета».

Отношение Русской Православной Церкви к кинематографу сформулировано в «Основах социальной концепции». В XIV главе «Светские наука, культура, образование» сказано: «Светская культура способна быть носительницей благовестия. Это особенно важно в тех случаях, когда влияние христианства в обществе ослабевает или когда светские власти вступают в открытую борьбу с Церковью. Так, в годы государственного атеизма русская классическая литература, поэзия, живопись и музыка становились для многих едва ли не единственными источниками религиозных знаний. Культурные традиции помогают сохранению и умножению духовного

⁶ Зоркова Н. Образ священника в европейском и американском кинематографе. Часть 2 (1960–2014 гг.) // Lumiere (Люмьер) – независимый журнал о кино // <http://www.lumiere-mag.ru/obraz-svyashhennika-v-evropejskom-i-amerikanskom-kinematografe-chast-2-1960-2014-gg/>

наследия в стремительно меняющемся мире. Это относится к разным видам творчества: литературе, изобразительному искусству, музыке, архитектуре, театру, кино. Для проповеди о Христе пригодны любые творческие стили, если намерение художника является искренне благочестивым и если он хранит верность Господу»⁷.

Русская Православная Церковь одобрила использование кинематографа в деле сохранения духовного наследия и проповеди Евангелия, хотя и не определила критерии, подобные дореволюционным или западным, что именно можно и что нельзя снимать и каким правилам необходимо при этом следовать. Наверное, определяющим выбор фактором для христианина здесь должны выступать его собственные представления о дозволенном к просмотру и его духовно-нравственные ориентиры.

Таким образом, о противостоянии Русской Православной Церкви кинематографу речи не идет, критике может быть подвергнут конкретный фильм в силу безнравственного или же кощунственного содержания.

Но если с традиционной религиозностью на экране в настоящее время все более или менее ясно, то за последние десятилетия обращает на себя внимание и, возможно, является менее исследованной тема представления в кинематографе новых религиозных движений. Не затрагивая здесь документального жанра и журналистских расследований, можно сделать некоторые замечания в плане отражения

«Конец света», 1963 г.

новых религиозных движений в художественном кино.

До конца 1960-х годов фильмов о тайных культурах было не так много, а изображенные в них сектанты не отличались разнообразием. Как правило, это были оккультисты в балахонах и с загробными голосами («Черный кот», 1934; «Седьмая жертва», 1943; «Ночь демона», 1957). В результате «в балахоны нарядилась значительная часть американской молодежи на волне психоделической революции, удариившейся в духовный поиск. Сквоты и коммуны заполнились новыми лжепророками и гуру, часто откровенными маньяками и манипулятивными наркоманами... Поэтому предельная демонизация религиозной организации, ее ритуалов и лидеров на экране всегда работает, даже если речь идет о людях в общем безобидных»⁸. Например, вполне безобидные амиши в хорроре «Рука дьявола» изображаются карателями вселенского зла.

Интересен советский фильм 1963 года режиссёра Бориса Бунеева «Конец света», который противопоставляет образованного богословски и, в некотором смысле, исповедующего научную картину мира православного священника (Станислав Любшин), которому

⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIV. Светские наука, культура, образование // <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xiv/>

⁸ Смолев Д. Вступи в меня: Как секты показывали в фильмах // <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3225002/>

«Поп», 2009 г.

противостоит местный старец-сектант (Виталий Полицеймако). При этом гуру-сектант, манипулируя примитивными страхами и религиозной и светской безграмотностью, привлекает к себе значительное количество местных жителей; а в диспутах со священником порой даже выглядит более «благочестивым» с точки зрения местных селян. В итоге «чудотворец» объявляет наступление «конца света» и увлекает местных пенсионерок на Лысую гору ждать явления Христа. В результате, чтобы спасти гражданок от голодной смерти, к ситуации подключается районная милиция. Уже этот фильм можно назвать классическим в плане отражения в кинематографе базовых элементов новых религиозных движений — сект.

Кинематограф, руководствуясь целями привлечь зрителя и соответственно получить прибыль, долгое время представлял новые религиозные движения исключительно как область, связанную со скандалами в сфере морали, проблемой эксплуатации людей, в особенности, сексуальной эксплуатации и темами жанра хоррор.

В тех или иных сочетаниях преобладал следующий набор сюжетов:

- Приводятся случаи убийств и самоубийств, совершенных сектантами, особенно акцентируется внимание на их психических расстройствах.
- Демонстрируются сюжеты с экстатическими состояниями сектантов.
- Рассказывается о сектах, деятельность которых привела к массовым человеческим жертвам.
- Секта подвергает личность человека «промывке мозгов», в результате чего он лишается воли и способности критически мыслить.
- Часто поднимается тема о разрушительном воздействии сект на семьи.
- Сектантское сообщество предстает закрытой тоталитарной организацией, а попадание в секту означает отделение от общества.

«Человек на все времена», 1966 г.

«Страсти Христовы», 2004 г.

В целом, получается, что информация о новых религиозных движениях «подается в негативном ключе, поведение членов группы представляется девиантным, что подтверждается сведениями о криминальной деятельности и видеорядом, демонстрирующим «ненормальность» адептов. Также sectа предстает как действующая «сила», способная подчинить волю человека. Собственно, способность подчинять волю обозначается важнейшей причиной их распространения»⁹.

Следует отметить, что образы секты и сектанта, отраженные в кинематографе, скорее, эмоционально окрашены, нежели рационально отражают реальность. Сектанты «неадекватны», «загипнотизированы», «зомбированы» и т. п.

Другой способ обращения с сектантами на экране — жесткая сатира, причем обоюдоострая. Смеяться можно не только над жадными до денег гуру и зомбированными адептами, но и над обществом со всеми его фобиями и предрассудками. Можно вспомнить мультсериалы «Южный Парк» и «Симпсоны». В эпизоде «Радость секты» большая половина Спрингфилда присоединяется к «передвиженцам», лидер которых строит межгалактический корабль, чтобы улететь на планету

радости. В одной из сцен он приветливо машет Гомеру и другим рабам из «роллс-ройса» — намек на Ошо, в чьем автопарке значилось 93 машины этой марки.

Нельзя сказать, что новые религиозные движения являются исключительно безвинными жертвами такого освещения в СМИ и кинематографе. Действительно, религиозные практики некоторых групп вызывают закономерные вопросы. Однако

освещение их деятельности происходило однобоко. Проблемы, существующие перед самими новыми религиозными движениями как группами, редко получали освещение, например, отказы в регистрации или неисполнение судебных решений, вынесенных в их пользу. Даже прямое насилие над представителями этих групп, например, разгром храмов, не рассматривается как зло по отношению к ним.

Подобное неприятие разнообразия религиозных практик возможно является частью ксенофобии, характерной для общества. «Это позволяет предположить, что дело не в том, что представители церкви и власти просят СМИ показать те или иные материалы, те послушно это выполняют, а простодушный народ им верит. Ситуация скорее такова: многие люди сталкиваются с агрессивными миссионерами (в первую очередь это свидетели Иеговы, в меньшей степени муниты и кришнайты),

«Врата рая», 1967 г.

⁹ Астахова Л.С. Образы новых религиозных движений в коммуникативных пространствах: в условиях поиска идентичности // Вестник экономики, права и социологии, 2010, № 4. С. 147.

которые раздражают людей своей навязчивостью. Представление о том, что человек по добре воле занимается такой деятельностью совершенно чуждо людям — для большинства еженедельное посещение церкви является недостижимой степенью воцерковленности»¹⁰.

С другой стороны, за последнее десятилетие мы можем наблюдать некоторые изменения в отношении к новым религиозным движениям в СМИ и кинематографе. В последнем начинается показ того, о чем ранее предпочитали молчать, — о проблемах членов этих групп, об их внутреннем мире, об общечеловеческих проблемах представителей этих обществ (работа, семья, любовь, быт). Религиозные практики, несмотря на их экзотичность, а зачастую и спорность, вместе с этим начали представляться не только как результат «зомбирования», но и как альтернативный для общества в целом путь. Можно упомянуть сериал, выходивший целых три сезона, «Путь» (*The Path*), в котором мы можем видеть одновременно и «классические» явления, характерные для большинства НРД (изолированность, зомбирование и подавление и т. п.), но вместе с этим мы видим и людей ищущих, готовых на нестандартные шаги и поступки. Более того, становится понятным, что

10 Шангин Н.В., Масловский М.В. Новые религиозные движения современной России в телевизионных СМИ // <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9030>

«Путь», 2016–2018 гг.

и внутри этой общины может иметь место кризис веры; в общине есть как «традиционалисты», заблудившиеся в уже начавшей становиться доктором религии и лишившиеся истинной «благодати», так и те, кто сумел сохранить живые принципы основателей религии. Своего рода противопоставление «закона и благодати» с элементами мистики. В данном сериале религиозное течение выдумано, хотя и отражает в себе элементы неошаманизма и трансперсональной психологии. Важно отметить, что представители этого движения не показаны в сериале (как это было бы, если бы сериал снимался, например, в 80-е годы) как представители «страшной секты», а, скорее, как группа, хотя и отличающаяся от взглядов среднего представителя общества, но вызывающая у последнего определенное сочувствие и рефлексию.

«Андрей Рублев», 1966 г.

Вероятно, это изменение образа представителей новых религиозных движений в кинематографе отражает возросшую толерантность общества к «инаковости» в целом. Относительная закрытость и замкнутость таких группировок создает пространство для домыслов относительно практик этих групп. Если ранее СМИ и телевидение «пугало» или высмеивало эти общества, то в последнее время есть тенденция увидеть «человеческое» лицо этих сообществ. Хотя, безусловно, что новые религиозные движения — неоднородное, противоречивое явление, которое как в жизни, так и на экране невозможно свести исключительно к позитиву или негативу.

Таким образом, у кинематографа всегда есть выбор в плане того, какую функцию на себя взять. Он может выступать как «Библия для неграмотных»: последовательно представлять события Библейской истории на экране. В этом плане есть ряд успешных лент - «Десять заповедей» Сесиля де Милля (1923), «Иисус из Назарета» Франко Дзеффирелли (1977), «Страсти Христовы» Мела Гибсона (2004), «Исход: цари и боги» Ридли Скотта (2014) и др.

Можно выделить такую категорию фильмов, как фильмы о духовном мире, ангелах

и посмертной судьбе человека. Она также тесно связана с поисками смысла жизни, предназначения, святости.

Кинофильм может повествовать о развитии Церкви в истории: о жизни святых, праведников, священников и религиозных деятелей. Такое кино тоже всегда было востребовано обществом. Тем более, что многие святые были одновременно и очень известными историческими фигурами. Лидерство в этом ряду принадлежит Орлеанской деве — Жанне д'Арк; фильмов, посвященных ей, — более тридцати.

Фильмы о святых зрителю может воспринимать и оценивать и как обычные исторические драмы. Так, например, можно относиться и к «Бекету» (Becket, 1964) режиссера Петера Гленвилла, и к «Человеку на все времена» (A Man for All Seasons, 1966) Фреда Циннеманна, и к «Андрею Рублеву» Тарковского.

Не отрицая значения приходского обучения и книги для духовного и интеллектуального роста человека, нельзя не признавать важное значение визуального в современном обществе: именно кино для значительной аудитории становится источником знания о Библии, святых и святости.

Храм-часовня в честь **преподобного Серафима** на юге Индии

Дьяконов А. В., кандидат богословия,
преподаватель Нижегородской
духовной семинарии

Как всё начиналось...

На самой южной точке полуострова Индостан, там, где сходятся Индийский океан, Бенгальский залив и Аравийское море, в 2002 году под управлением российской компании «Атомстройэкспорт» (АО ИК «АСЭ») началось строительство двух ядерных реакторов атомной станции «Куданкулам». Две сотни специалистов из нашей страны уже более десяти лет принимают участие в осуществлении данного проекта и постоянно проживают

в построенном для них поселке вблизи объекта. В июне 2012 года по инициативе сотрудников станции, поддержанной руководством компании, и по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия началась работа по созданию православного храма-часовни для верующих сотрудников станции, тех, кто испытывает потребность в церковной жизни, соборной молитве, евхаристическом общении.

Долговременное пребывание вдали от дома, родных, привычной атмосферы, в ином климате, в чужой культуре, в соприкосновении с носителями другого языка — все это в совокупности создает психологическое напряжение и осложняет жизнь атомостроителей.

Появление православного храма для них как глоток свежего воздуха, как часть Родины, как духовное утешение и укрепление. Яркая, самобытная, очень красочная, совершенно не похожая на европейскую, культура Индии так или иначе оказывает влияние на всякого оказавшегося в ее ореоле. Еще более сильной по духовному воздействию и неразрывно связанной с культурой нужно признать религиозную традицию этой страны. Индуизм — это не просто религия, это образ мышления и образ жизни. Огромные храмы и малые алтари, величественные статуи языческих божеств, священные животные и красочные религиозные процесии поражают оказавшихся в Индии иностранцев. Для православного человека это представляет и определенную духовную опасность: как при таком воздействии среды сохранить свою духовную идентичность и остаться верным святому православию?

Появление в поселке российских строителей атомной станции православного храма — благодатная возможность окунуться в молитвенную атмосферу богослужения, почувствовать себя духовно защищенным, обрести внутреннее равновесие и покой души. С сентября 2012 года на площадку строительства АЭС «Куданкулам» совершаются регулярные поездки преподавателей Нижегородской духовной семинарии при

активном содействии заместителя начальника оперативно-распорядительного управления АО ИК «АСЭ» Ивана Николаевича Коновалова. В этом году этот уникальный проект отметит совсем не круглую, но уже очень серьёзную дату — он существует уже 8 лет!

Создание храма-часовни и первые богослужения

Известная русская поговорка гласит: «Храм не в бревнах, а в ребрах». Иначе говоря, прежде чем возводить стены храма, важно зажечь свечу веры в душе человека. Именно в такой последовательности происходило созидание приходской общиной в поселке Анувиджай. Если целью первой поездки преподавателей семинарии иерая Олега Стручкова и Алексея Владимировича Дьяконова в сентябре 2012 года было создание приходской общины и начало регулярных богослужений, то главная задача декабрьского посещения Индии того же года была несколько иная. Необходимо было оборудовать в русском культурном центре посёлка Анувиджай (по-тамильски — «Победа атома») настоящий православный храм, где было бы все необходимое для совершения

Божественной литургии и других таинств, а также церковных богослужений.

Как оказалось, переправить из России в Индию богослужебную утварь было не так просто. Этот процесс затянулся на несколько месяцев. Все влияло на процесс: дальнее расстояние, составление таможенных документов российской стороной и проверка их индийскими таможенниками, сложный маршрут следования необычного груза, пресловутый человеческий фактор. Выдающуюся роль в указанной работе сыграл начальник площадки строительства АЭС «Куданкулам» на момент открытия храма Евгений Николаевич Дудкин. Благодаря его постоянному попечению об оборудовании храма-часовни и горячей поддержке начинания всеми русскими сотрудниками атомной станции трудности были успешно преодолены.

Особая заслуга в благоукрашении храма принадлежит руководству и сотрудникам художественно-производственного предприятия «Софрино», своевременно и качественно выполнившим специальный индивидуальный заказ Нижегородской епархии. С большим воодушевлением и внутренним трепетом братья и сестры новорожденной православной общине своими руками устанавливали подсвечники, развешивали иконы и лампады, раскладывали богослужебные книги. На их глазах появился великолепный переносной иконостас, засиял золотом престол, зажглись свечи, появилось ощущение благодатного

храмового пространства. К декабря 2012 года оснащение храма было полностью завершено. По просьбе верующих он был освящен в честь прославленного всероссийского святого — преподобного Серафима Саровского.

Первое посещение преподавателями Нижегородской духовной семинарии соотечественников в Индии в сентябре 2012 года предполагало, прежде всего, знакомство с паствой, определение места будущего храма-часовни и совершение первых богослужений — молебнов и панихид. Впервые за десять лет строительства атомной станции православные молитвословия зазвучали в пустующем помещении русского культурного центра, которое еще только предстояло оборудовать для совершения богослужений. Через простые, но проникновенные молитвословия молебна и панихида происходило единение православных людей с Богом, мысленно они оказывались на Родине, куда стремилась их душа.

Русское богослужение на юге Индии

Божественная литургия — это самое важное богослужение, во время которого совершается таинство святого причащения, установленное Самим Господом нашим Иисусом Христом. Совместная молитва и причащение Тела и Крови Христовых позволяет верующим людям таинственно соединиться с Главой Церкви и друг с другом

в единое Тело Христово. Поэтому самый главный вопрос, который обращали к прибывшему из России священнику сотрудники станции, — когда будет совершаться литургия? Прошло всего два месяца с первого посещения храма-часовни, и 4 декабря 2012 года на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы состоялся долгожданный пир веры — евхаристическое общение православных соотечественников за Божественной литургией на берегу Индийского океана. К этому знаменательному событию помещение для молитвы было основательно подготовлено. От былой пустоты и неустроенности не осталось и следа. Новый складной иконостас и блестящие подсвечники, прекрасная богослужебная утварь и сверкающие облачения священнослужителя создавали полноценное храмовое пространство для общения с Богом. Только удушающая влажная атмосфера, шум вентиляторов над головой и пробегающие по стенам маленькие юркие ящерки — гекконы — заставляли вспомнить о том, что каждый участник совместной молитвы находится в Южной Индии.

В день совершения первой Божественной литургии все смогли пережить незабываемое чувство единства во Христе, которое вновь и вновь возвращалось к прихожанам, когда из России приезжал священник и звучали волнующие душу и исполненные благодатной силой слова: «Станем добре, станем со страхом

Божиим, святое возношение в мире приносите». Все старались достойно приготовиться, поисповедоваться и причаститься Святых Христовых Тайн. В дни пребывания преподавателей семинарии в поселке Анувиджай также традиционно совершаются молебны и панихиды, на которых можно помолиться о здравии родных и близких, о упокоении усопших, о помощи в путешествии.

Отличительной особенностью богослужений в храме

в честь преп. Серафима является их просветительский характер, который проявляется в совершении так называемых «миссионерских богослужений». Не все прихожане достаточно воцерковлены и духовно образованы. Понимание смысла молитвословий, значения совершения священнодействий и сознательное участие в них — вот та цель, которая стоит перед священником, окормляющим такой приход. Еще св. апостол Павел писал Тимофею: «Проповедуй слово, настой во время и не во время» (2 Тим. 4: 2). Подобные богослужения получают все большее распространение в храмах Русской Православной Церкви со времени принятия Священным Синодом в 2007 году «Концепции миссионерского служения Русской Православной Церкви», в которой, в частности, говорится: «Ради облегчения вхождения и пребывания невоцерковлённого человека в Церкви целесообразно предоставить приходам право проведения особых миссионерских богослужений, в которые были бы внесены элементы катехизации». Миссионерское богослужение отличается от обычного тем, что в нескольких местах прерывается комментариями священника, поясняющего смысл и значение тех или иных моментов службы. По своей сути, разъяснение Божественной литургии, молебна или панихиды — это проповедь, разбитая на более мелкие части.

Необходимость совершения миссионерских богослужений связана с тем, что для понимания православного богослужения необходимо знать и библейские сюжеты, и вероучение Церкви, иметь знакомство с церковно-славянским языком. Миссионерская литургия предназначена для тех, кто постоянно посещает богослужения в храме, но недостаточно понимает все происходящее на службе. Именно такими людьми является большинство сотрудников станции. Начатая в 2012 году практика таких богослужений в храме в честь преподобного Серафима Саровского стала еще одним шагом в приобщении российских атомостроителей к богатству православной культуры.

Просветительская работа на приходе

Важной частью миссии Православной Церкви является обучение уверовавших во Христа вере и благочестию. «...Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (Мф. 28: 19), — говорит Христос Своим ученикам, а через них и всем священнослужителям. Но не всегда слово пастыря ложится на благодатную почву. Спаситель в притче о сеятеле (Мф. 13: 3–9) говорит, что не все люди из-за своих житейских попечений и забот способны воспринять слово Божие с благодарностью и открытой душой. Первое же знакомство прибывшего из России священника с живущими на чужбине соотечественниками стало счастливым исключением. Как оказалось, находящимися вдали от родины людьми любое слово о Христе воспринимается совершенно особо, оно падает на благодатную почву и готово принести добрый плод. Преподаватели Нижегородской духовной семинарии каждый раз стремятся рассказать что-то новое: о православном вероучении и особенностях литургической практики Церкви, о книгах Священного Писания и устройстве православного храма. Каждый из преподавателей старается помочь прихожанам разобраться в вопросах духовной жизни и узнать самое необходимое для верующего человека.

Как правило, каждый день нахождения представителей нижегородской духовной школы на площадке строительства совершаются уставное богослужение, после которого проходит просветительская беседа. Совместное общение за чашкой чая способствует духовному единению людей, а также позволяет вспомнить апостольские времена, когда каждая Божественная литургия заканчивалась совместной трапезой на «вечери любви». Со временем обязательной частью такого общения стал обзор литературных новинок приходской библиотеки, которая пополняется с каждым новым приездом нижегородских гостей.

С самого первого дня существования храма-часовни в честь преподобного Серафима Саровского на юге Индии началось формирование библиотеки православной духовно-нравственной и художественной литературы. Для этого было выделено особое помещение в здании русского культурного центра, где преподаватели семинарии в рамках каждого своего посещения рассказывают прихожанам о новой литературе, а также за праздничным чаепитием проводят беседы с прихожанами. Основу создаваемого книжного фонда составляют книги и альбомы, рассказывающие о святом, в честь которого называется храм — о преподобном Серафиме Саровском, а также о Свято-Троицкой Серафимо-Дивеевской обители. Для привлечения прихожан к совершению богослужения в храме в библиотеке прихода также имеется учебная литература по изучению православного богослужения и церковно-славянского языка.

Ещё одним важным направлением формирования библиотеки русского прихода стало создание «медиатеки» — небольшого собрания фильмов и видеоматериалов на духовно-нравственные, библейские и богословские темы (около 100 видео- и аудиодисков). Фонд также составляют современные православные телесериалы и художественные фильмы о православных святых и церковных деятелях XIX и XX столетий. Очень востребованной прихожанами храма-часовни в Индии оказалась русская классическая литература XIX — нач. XX вв. В частности, в библиотеке прихода

имеются произведения великих русских поэтов и прозаиков А. С. Пушкина, И. А. Бунина, Н. И. Тургенева, А. И. Куприна, С. Есенина, Н. Лескова, Ф. Тютчева, а также 8-ми томноеrarитетное издание произведений А. П. Чехова.

Православные праздники на индийской земле

«Христос рождается — славите, / Христос с Небес — сряците. / Христос на земли — возноситесь. / Пойте Господеви, вся земля...», — в январе 2014 года рождественские песнопения впервые зазвучали в храме-часовне в честь преп. Серафима Саровского. Совершали праздничные богослужения в этот раз преподаватель Нижегородской духовной семинарии священник Игорь Балабанов и выпускник духовной школы Максим Должинец. На праздничные богослужения в эти дни в храме, как обычно, собрались русские сотрудники строительства атомной станции, члены их семей, проживающие с ними и несколько гостей, приехавших из России и Украины. К радости служащих и молящихся, среди пришедших на богослужение были люди, имеющие опыт клиросного пения, поэтому служба получилась по-настоящему торжественной. За праздничной литургией исповедовались и причастились почти все прихожане, причём некоторые из них первый раз в жизни, а за чаепитием

после службы звучали рождественские колядки и святочные песни.

«Праздников праздник и торжество из торжеств», — так святая Церковь называет самый главный праздник церковного года — Светлое Христово Воскресение. В этот день каждый верующий человек стремится попасть в храм, чтобы прославить Воскресшего Христа и разделить пасхальную радость с братьями и сестрами по вере. Традиция освящения пасхальных кули-

чей, крашеных яиц и творожной пасхи создает особое настроение в полноте удивительной пасхальной атмосферы. Устроить для русских атомостроителей настоящую Пасху преподавателям Нижегородской семинарии удалось только в 2014 году. Праздничное богослужение традиционно началось торжественным крестным ходом, который прошел внутри территории, прилегающей к русскому культурному центру. С шумом волн Индийского океана соединялись звуки пасхального песнопения «Воскресение Твое, Христе Спасе / Ангели поют на небесах, / и нас на земли сподоби / чистым сердцем / Тебе славити».

В темноте южной ночи ярко горели свечи в руках прихожан и ощущение нереальности происходящего не покидало собравшихся для совместной молитвы людей до последней минуты богослужения. Все подошли ко входу в храм, наступила волнительная минута первой вести о Воскресении Спасителя, и в звенящей тишине раздался возглас священника: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице...», — и после него сразу как вспышка яркого света: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». И радостное восклицание: «Христос воскресе!», — и восторженный ответ молящихся: «Воистину воскресе!» Такие проникновенные, исполненные духовной силы и родные сердцу слова

вызывали особую духовную радость и слезы благодарности Господу за редкую возможность молиться в храме на Пасху. Светились глаза соотечественников, благодать Божия касалась их душ — и к ним пришла Пасха Христова. Потом была праздничная утреня, Божественная литургия, общее причастие и, конечно, разговение, после которого еще долго не хотелось покидать храм.

Уникальный индийский проект продолжается уже 8 лет. За это время сменилось несколько начальников строительства АЭС с российской

стороны, постоянно меняется состав наших сотрудников атомной станции, но храм-часовня в честь преподобного Серафима Саровского продолжает оставаться для каждого, кто оказывается там, на этом краю земли, уголком далёкой Родины, местом, где можно найти душевное успокоение и духовное утешение. В храме звучат молитвословия Божественной литургии, которые за эти 8 лет, помимо преподавателей Нижегородской духовной семинарии о. Олега Стручкова и о. Игоря Балабанова, совершили также о. Александр Калаганов и о. Арсений Семёнов. История индийского храма-часовни в честь преподобного Серафима Саровского продолжается!

21
ноября

Всероссийский круглый стол «Церковь и пандемия»

21 ноября в Нижегородской духовной семинарии состоялся всероссийский круглый стол «Церковь и пандемия». Мероприятие было организовано Нижегородской духовной семинарией в рамках сотрудничества с Приволжским исследовательским медицинским университетом.

Предметом обсуждения стал широкий спектр проблем, связанных с реакцией Церкви на новую коронавирусную инфекцию. Кроме того, речь также шла о методах предотвращения распространения COVID-19. Особое внимание было обращено на актуальные богословские, пастырские, литургические, социологические и культурологические аспекты экклезиологической рефлексии относительно пандемии.

Мероприятие прошло в очно-дистанционном формате. В круглом столе приняли участие преподаватели и обучающиеся духовных и светских вузов России. По итогам круглого стола планируется публикация сборника докладов с размещением в РИНЦ.

24
ноября

III Всероссийская научно-богословская конференция «Восток и Запад в духовной культуре России: диалог и противостояние (от Александра Невского до наших дней)»

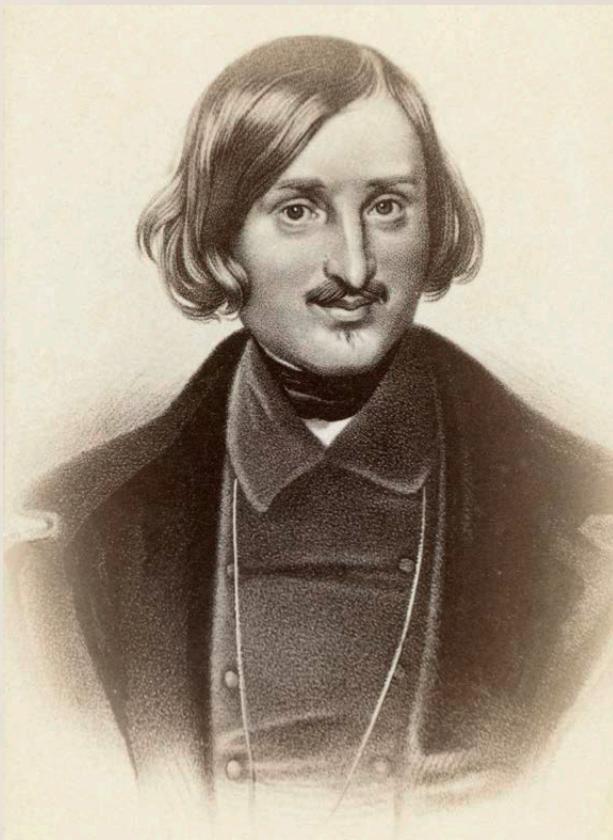
24–25 ноября 2020 года Нижегородская духовная семинария и Институт международных отношений и мировой истории (ИММОМИ) при ННГУ им. Н.И. Лобачевского провели Всероссийскую научную конференцию, посвященную проблеме противостояния и диалога Востока и Запада в истории русской духовной культуры. Мероприятие проходило при информационной поддержке Учебного комитета Русской Православной Церкви и участии Фонда президентских грантов.

К участию в конференции были приглашены церковные и светские ученые, преподаватели и студенты духовных академий и семинарий, богословских и светских ВУЗов из Москвы, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Воронежа, Астрахани, Курска, Ульяновска, Якутска, Белгорода и других городов. Конференция проходила в очном и дистанционном форматах. Доклады будут опубликованы в «Трудах Нижегородской духовной семинарии» (индексируется в РИНЦ).

РАЗРЫВЫ И СВЯЗИ

Из истории философской мысли...

Богословие. Философия. Литература

Цивилизационный проект Н. В. Гоголя

(повесть «Старосветские помещики»)

СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ ПАВЛОВ, КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НИЖЕГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

СТРАСТИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

Страсти и добродетели удобно разделяются союзом и в богословских трактатах и творениях святых отцов. В душе конкретного человека они бывают сплавлены в амальгаму, в которой совершенно неразличимы ни компоненты, ни их пропорции. Что, к слову, является лишним доводом быть осторожным в оценочных суждениях по отношению к людям, тем более в условиях неполноты информации, в которых

мы, как правило, и находимся. Чужая душа не только потёмки, но и потёмкинские деревни. Много в ней того, чего на самом деле нет (или почти нет), а только видится или с разными целями демонстрируется. И судить эту демонстрационную версию иногда просто нелепо.

Так обстоит дело в жизни. Совсем иначе — с литературой, где сохранять нейтралитет к героям не только невозможно, но и не нужно. Читателю обязательно надо понять их как нравственные личности, выставить им оценки и расставить по двум принятым ещё в юные годы позициям — положительных одесную, отрицательных ошуюю. Причём оценивание

героев — это не прихоть школьной программы по литературе, а процесс формирования этических и эстетических чувств. Через некоторое время очередной «страшный суд» над персонажами может изменить их положение. Но это, конечно, изменение читателя, а не героев. Бывает любопытно и полезно по прошествии многих лет сравнить свои впечатления и поставить оценку уже себе. По теории, взрослея, читатель должен мудреть, а герой, следовательно, раскрываться во всей своей подноготной полноте. Происходит так далеко не всегда, и происходит по двум основным причинам: либо не мудреет читатель, либо уж очень загадочные попались персонажи, например, такие, гоголевские старосветские помещики. Но сначала немного о загадках самого Гоголя.

Загадки Гоголя

С именем Николая Васильевича Гоголя охотно сочетаются эпитеты из сферы таинственности с довеском *самый*. Гоголь — самый мистический, самый загадочный, самый непознанный писатель русской литературы. «Мистификации» Гоголя доходят до того, что мы не вполне даже знаем цвет его волос. На фотографиях

он тёмный. В воспоминаниях современников разный. Сестра писателя О. В. Гоголь-Головня вроде бы всё объяснила: «Особенно потемнели у брата волосы после того, как он обрился в Петербурге. Существовало такое убеждение, что, кто из Малороссии приезжает в Петербург, на того вода петербургская так действует, что волосы вылезают. И брат, как приехал в Петербург, обрился. После того волосы у него потемнели». Однако уже после того, как они потемнели, многие непостижимым образом видят их белокурыми. Например, дочь протоиерея Стефана Сабинина, настоятеля русской православной домовой церкви Святой Марии Магдалины в Веймаре, встречалась с Гоголем в доме отца летом 1845 года и оставила следующие воспоминания о внешности писателя: «Он был небольшого роста и очень худощав; его узкая голова имела своеобразную форму — френолог бы сказал, что выдаются религиозность и упрямство. Светлые волосы висели прямыми прядями вокруг головы¹. Интересующихся этим вопросом адресуем

¹ Воропаев В. А. Последние дни Гоголя как духовная и научная проблема. С. 7-8 // https://www.portal-slovo.ru/philo/37155.php?ELEMENT_ID=37155.

к главе книги П. Е. Фокина², а сами займёмся другим.

В некотором роде загадку писателя составляет и его религиозность. Литературовед К. В. Мочульский (1892–1948), профессор Свято-Сергиевского богословского православного института в Париже, увидел в гоголевском творчестве магистральный путь русской литературы: «В нравственной области Гоголь был гениально одарён; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её боевой и практический характер, её пророческий

пафос и мессианство»³. Но кто был Гоголь как религиозная личность — духовный художественный провидец, горячий и наивный неофит, а может быть, прельстившийся и духовно заблудившийся сумасшедший? Для одних эти вопросы уже решены в пользу одного из перечисленных вариантов, для других сохраняют актуальность как не выясненная до конца проблема.

Гоголь, безусловно, ещё и самый аскетичный из русских писателей. Фактически — монах в миру. Девственник, отказавшийся не только от второй половины, но и от собственного угла и имущества: «Нищенство есть блаженство, которого ещё не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отведать его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст её ни за какие сокровища здешнего мира», — писал имевший на то основания Гоголь (*«Выбранные места из переписки с друзьями»*, гл. XXIII. Исторический живописец Иванов). Опись имущества, составленная после его смерти, включала перечень личных вещей на сумму 43 рубля 88 копеек. В римском доме-музее Гоголя хранятся две его вещи — чашка и трость. Для сравнения: в толстовском музее «Ясная Поляна» — 40 тысяч единиц хранения.

В атеистической среде религиозность Гоголя вызывает активно негативную реакцию. Советские литературоведческие штампы саркастически поданы в романе В. Астафьева *«Печальный детектив»*, где на вопрос язвительной преподавательницы, в чём состоят роковые заблуждения писателя, студентка бойко и заученно отвечает: *«Мистические настроения Гоголя, навеянные ему отцами церкви с их мрачной и отсталой философией, привели и не могли не привести к духовному краху великого русского писателя. В результате этого краха он сжигает второй том «Мёртвых душ», который, впрочем, был слабее первого тома оттого, что оказался пропитан растленным духом церковников, скрывавшихся в катакомбах и мрачных*

² Фокин П.Е. «Гоголь без глянца» // <https://biography.wikireading.ru/219599>.

³ Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Гоголь: pro et contra. С. 645 // http://russianway.rhga.ru/upload/main/43_Mochulsky.pdf.

*закоулках Оптинои пустыни и прочих притонах
воинствующих мракобесов...*

Атеистическая трактовка позднего творчества Гоголя в какой-то степени закономерна. Но объяснить существующие патографии писателя непониманием их авторами духовных реалий можно не всегда. В аскетичной религиозности Гоголя и церковные люди видят порой причину его литературной и жизненной катастрофы. Так, на известном православном портале «Азбука веры» опубликована статья дореволюционного преподавателя Московской семинарии П. М. Минина, вслед за В. Г. Белинским усмотревшем в лирических отступлениях «Мёртвых душ» признак «того поражения, которое в скором времени потерпит Гоголь — художник от руки Гоголя-моралиста»⁴.

Гоголь — единственный из литераторов, кто удостоился попасть в «Настольную книгу священнослужителя». Духовный сын священномученика Сергея Мечёва (1892–1942), замечательный учёный, профессор в области психиатрии Д. Е. Мелехов (1899–1979) попытался осмыслить духовную жизнь Гоголя и его последнюю болезнь в оставшейся неоконченной работе «Психиатрия и проблемы духовной жизни», которая вошла в восьмой том «Настольной книги священнослужителя» (глава 19. «Грехопадение — болезнь и смерть»). В этом труде Д. Е. Мелехов на примере Гоголя показывает типы людей, склонных к «аффективным психозам»: «Больной умер от тяжелого истощения с нарушением обмена веществ, бредом греховности, самоуничижения, с упорным отказом от пищи, полной двигательной и умственной заторможенности и мутизмом (10 дней не говорил ни слова). Сожжение II тома «Мёртвых душ» было также совершено во время глубокой депрессии с болезненным сознанием своей виновности и греховности своего творчества»⁵.

⁴ Минин П.М. К характеристике личности Н.В. Гоголя // https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Minin/k-harakteristike-luchnosti-n-v-gogolja/

⁵ Настольная книга священнослужителя. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. Т. 8. // https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/nastolnaja-kniga-svashhennosluzhitelja-tom-8/19.

Трудно подозревать учёного с мировым именем в некомпетентности. Тем не менее его выводы совершенно безосновательны. У Д. Е. Мелехова не было доступа ко всем биографическим материалам, и его диагноз строился на ложных фактах, что обстоятельно показано в работе одного из ведущих современных гоголеведов профессора МГУ В. А. Воропаева⁶. Особенную убедительность этой точке зрения придают слова Гоголя, в полном сознании произнесённые перед смертью: «Как сладко умирать!»

Мистического рода туманы сопровождают рождение, жизнь и смерть Гоголя. Мы не ставим себе целью пролить на них свет. Наша задача скромнее — поразмышлять над загадкой одного его произведения.

«СТРАННЫЕ ЭПИТЕТЫ» И АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Повесть «Старосветские помещики» была опубликована в сборнике «Миргород», вышедшем в 1835 году. Критике название сборника показалось слабо связанным с его содержанием: действие лишь одной повести из четырёх происходит в Миргороде («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Да ещё упомянут Миргород в эпиграфах, стоящих то ли перед «Старосветскими помещиками», то ли перед всеми повестями сборника. Первый эпиграф — с точным указанием источника: «Миргород нарочито невеликий

⁶ Воропаев В. А. Цит. соч. С. 4.

при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц» (География Зябловского). Второй взят из записок путешественника, само существование которого вызывает сильнейшие подозрения: «Хотя в Миргороде пекутся бублики из чёрного теста, но довольно вкусны» (Из записок одного путешественника). Критика обратила внимание и на эпиграфы: «Назвав свою книгу, не знаем почему, именем уездного города Полтавской губернии, автор придал ей два самые странные эпиграфа... Нынче в моде щеголять странностию эпиграфов, которые не имеют ни малейшего отношения к книге», — недоумевал рецензент журнала «Северная пчела»⁷. Эпиграфы и название сборника действительно странные, но именно эта странность и заставляет видеть в них скрытый смысл.

Образы старосветских помещиков вызвали оживлённую дискуссию сразу после своего появления и продолжают вызывать до сих пор. Гоголь ключа к своему тексту не оставил. Правда, по поводу начатого В. А. Жуковским перевода гомеровской «Одиссеи» он писал словами, вполне приложимыми к старосветской идиллии: «Словом, на страждущих и болеющих от своего европейского совершенства «Одиссея» подействует. Многое напомнит она им младенчески прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое должно возратить себе человечество, как своё законное наследство. Многие над многим призадумаются. А между тем многое из времен патриархальных, с которыми есть такое сродство в русской природе, разнесётся невидимо по лицу русской земли» («Выбранные места из переписки с друзьями», VII. Об Одиссее, переводимой

Жуковским). Но можно ли считать авторским комментарием к замыслу «Старосветских помещиков» слова, написанные через десятилетие после них?

Да, собственно, к чему нам и ключ Гоголя? Надо ли вообще понимать автора? Не лучше ли интерпретировать текст, не оглядываясь

на его репрессивную фигуру, запрещающую любое субъективное читательское самовыражение? В структуралистском литературоведении есть мнение, что «автор умер» (Р. Барт) и беспокоить его не стоит. Известный итальянский специалист по семиотике и теории культуры У. Эко не рекомендовал спрашивать о смысле произведения у автора: «Повествователь, как и поэт, никогда не сможет истолковать собственную работу. Текст — это машина для обнаружения интерпретаций. Если текст вызывает вопросы, бессмысленно обращаться

их к автору»⁸. Но так уж устроен человек. Ему почему-то не нужны головокружительные структуралистские толкования, по смелости и масштабности сопоставимые с Теорией Всего, а по адекватности иногда — с Теорией Ничего. Нормальному читателю обычно интересна не бесконечно далёкая от текста интерпретация, построенная на изысканных культурных ассоциациях и языковых тонкостях, а грубая сермяжная правда авторской позиции.

За неимением возможности спросить у автора читатель реконструирует свой вариант его замысла. При этом он нередко самонадеянно полагает, что так думал и автор. Академик С. С. Аверинцев как-то сказал: «Всем ясно, что такое катарсис, по Аристотелю. Не ясно это

7 Цит. по: Гиппиус В. В. Введение к комментариям // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в четырнадцати томах. Т. 2. Миргород. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1937. С. 686.

8 Цит. по: Селиверстова Н. А. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в прочтении студентов (анализ дневников читателей) // Знание. Понимание. Умение. 2009. Вып. 2. С. 194–204 // <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-m-bulgakova-master-i-margarita-v-prochetii-studentov-analiz-dnevnikov-chitateley>.

только специалистам по поэтике Аристотеля». Вот, например, опубликованный в серьёзном на вид литературно-философском сетевом журнале «Топос» замечательный образчик всезнающего дилетантизма в прекрасном исполнении М. Яфарова: «Для меня в русской литературе нет больше такого произведения, в котором вся возможная для литературного сочинения полнота содержания была бы заключена в такую простую, прямую, не требующую для своего восприятия никакого специального образования, ясную и очевидную форму, как это сделано Н. В. Гоголем в «Миргороде». Здесь, в отличие, например, от «Улисса» Джеймса Джойса, нет никаких упакованных загадок, шарад, намёков, ассоциаций и прочего, требующего от читателя определённого культурного уровня и некоторой изощрённости; здесь всё положено прямо перед читателем, всё названо теми именами, каково оно есть, и Н. В. настаивал на этом»⁹.

Где на этом настаивал «Н. В.», разумеется, не сообщается. Видимо, для того чтобы литераторы не открыли для себя ценного источника сведений о Гоголе и не закрыли тему авторского замысла «Старосветских помещиков». Всегда ведь приятнее очередную Америку открыть и закрыть самостоительно. И «странный» эпиграф М. Яфаров изящно и непринуждённо расшифровал: «...Мельницы — это ангелы, херувимы, стражи миргородов, поэтому Н. В. и сделал эту выписку из географии эпиграфом своего сборника повестей. Ничего странного; например, ворота хутора сотника в «Вие» охраняют две мельницы»¹⁰.

Заглянув в «Вий», читатель находит вот это предложение: *За воротами находились две ветряные мельницы*. Каким образом по этой фразе проницательный исследователь столь точно определил должностные обязанности этих мельниц, остаётся загадкой. Причём, называя мельницы ангелами-хранителями хутора сотника, он нисколько не смущается тем, что дочка у того ведьма, а предшествующее мельницам предложение весьма красноречиво изображает духовную жизнь и самого сотника: *Всё показывало, что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали торжественные клики*.

Будь Гоголь жив, он бы проиных своих толкователей написал, верно, что-нибудь этакое: «Прометей! Решительный Прометей! Всенепременно бы запечатлеть для вечности. Да вот поди ж ты! Ни сфотографировать, ни в камеру его взять нету никакой просто возможности. Как ни встань, ничего не вытанцовывается: бликует изображение сияющего торжественной и непоколебимой уверенностью победоносного лика, и всё тут». Впрочем, не будем отвлекаться и фантазировать.

Совершенно невдомёк любителю Гоголя и то, что эпиграф этот не совсем прост и не совсем есть «выписка из географии». В 52-м параграфе гимназического учебника «Географии» (1831) Е. Ф. Зябловского написано всего лишь следующее: «Миргород, при реке Хороле»¹¹. В третьей части «Новейшей географии Российской Империи», предназначеннной более серьёзному, чем гимназисты, читателю, Е. Ф. Зябловский даёт несколько больше подробностей: «Миргород, при реке Хороле, расстоянием от Губернского города на 100 вёрст. В повете оного находятся

9 Яфаров М. Русский критик 16. Прощальная повесть Гоголя (Опыт биографософии) // Топос. 2012. № 2 // <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/russkii-kritik-16-proshchalnaya-povest-gogolya-optyt-biografosofii-4>.

10 Там же.

11 Гуминский В. М. «Повести, служащие продолжением...» // Миргород: Повести / Автор предисл. и примеч. В. М. Гуминский. – М., 1989. С. 7.

селитреные заводы»¹². Тоже мало похоже на гоголевский эпиграф. А взят он, оказывается, из другой работы Е. Ф. Зябловского: «Миргород при реке Хороле; расстоянием до Москвы 708, а до Санктпетербурга 908 вёрст <...> В нём есть 1 канатная фабрика, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц»¹³. Гоголь приписывает гимназическому учебнику сведения из другого источника. При этом он, как считает И. А. Есаулов, пародирует стиль Е. Ф. Зябловского несколько раз встречающимся в работе учёного архаичным словом *нарочито* ‘очень, весьма’¹⁴. Да, любил Николай Васильевич и пошутить, и задачку читателю задать.

Сразу скажем: мы не знаем, что имел в виду Гоголь, изображая своих героев и сочиняя странные эпиграфы. Мы просто предлагаем вариант того, что он мог думать, когда писал «Старосветские помещики». Следует оговориться: толкование художественного текста допускает текстуально мотивированные смыслы, которых сам автор не предусматривал. Правда, признание такого рода интерпретация, на наш взгляд, должна получать только в том случае, когда она согласуется с личностью автора. Главные наши вопросы сводятся к естественному читательскому желанию узнать, что хотел сказать Гоголь образами Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны Товстогубов и как он к ним относится?

ДВА ВЗГЛЯДА НА «СТАРОСВЕТСКИХ ПОМЕЩИКОВ»

Тон в оценке повести задал первый критик того времени В. Г. Белинский, который был ожидаемо беспощаден к Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне. Но и он был покорён их обаянием: «Две пародии на человечество

12 Новейшая география Российской Империи. М., 1819. С. 376 // <https://elib.rgo.ru/safeview/123456789/211945/1/MTAwMDE0MzVfWnlhYmxvdNraXkslEV2ZG9raW0gRmlsaXBwb3ZpY2ggKDE3NjUtMTg0NikUE5vdmUucQRm>

13 Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. VI. СПб. 1810. С. 53.

14 Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 78 // http://jesaulov.narod.ru/Code/spectrum_text_02.html

в продолжение нескольких десятков лет пьют и едят, едят и пьют, а потом, как водится истари, умирают. Но отчего же это очарование? <...> О, г. Гоголь истинный чародей, и вы не можете представить, как я сердит на него за то, что он и меня чуть не заставил плакать о них, которые только пили и ели и потом умерли!»¹⁵ Художественная эстетика умеет отключать аналитические способности разума, который весь отдаётся эстетическому наслаждению и забывает о своём функционале. «Волшебную силу искусства» невозможно отрицать. Но волшебники, как известно, бывают разные. Гоголь — «чародей» добрый, но замысловатый. Где у него искреннее любование, а где лукавая ирония, не сразу и разглядишь.

Трактовку В. Г. Белинского поддерживают крупные советские литературоведы: Г. А. Гуковский¹⁶, В. В. Ермилов¹⁷, В. Ф. Переверзев¹⁸. Противоположная интерпретация тоже находит себе авторитетных сторонников: М. Н. Бойко¹⁹, В. М. Гуминский²⁰, И. А. Есаулов²¹, И. П. Золотуский²², Е. Ю. Коржова²³. Заметна следующая тенденция: литературоведы отрицательно оценивают главных героев с атеистических позиций и положительно — с христианских. Объясняется это тем, что первые смотрят на социальную значимость героев, а вторые на их личностные качества.

В «Старосветских помещиках» едва ли не главным предметом спора стала активно обсуждавшаяся тогда в образованном русском обществе проблема основной ценности личной

15 Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988 // http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0320.shtml

16 Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.-Л., 1959.

17 Ермилов В. В. Гений Гоголя. М., 1959.

18 Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М., 1989.

19 Бойко М. Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

20 Гуминский В. М. Указ. соч.

21 Есаулов И. А. Цит. соч.

22 Золотуский И. П. Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987 // https://imwerden.de/pdf/zolotussky_poezia_prozy_statji_o_gogole_1987.pdf

23 Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя: Личность и творчество. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009.

жизни. Страсть или привычка: что важнее для человека и в чём состоит его подлинное счастье? С учётом современных реалий проблему целесообразно сформулировать несколько иначе: «Существует ли любовь после брака?».

Наблюдая неутолимую пятилетнюю скорбь о почившей супруге Афанасия Ивановича, уже стоящего одной ногой в могиле, Гоголь (или, скорее, рассказчик, от лица которого ведётся повествование) задаётся вопросом: *Что же сильнее над нами: страсть или привычка? <...> Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки.* Для эстетики романтизма страсть была высшим проявлением человеческой личности и залогом счастья. Несчастья, впрочем, тоже. Зарождавшийся реализм в лице А. С. Пушкина посмотрел иначе. Сначала у него притерпелась к нелюбимому супругу и сделалась довольною мать Татьяны Лариной, семейная жизнь которой подарила нам утешительную сентенцию:

*Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она («Евгений Онегин»).*

А потом Пушкин заставил хранить верность мужу и саму Татьяну, любившую Онегина:

*Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

Белинский категорически против привычки. Вернее, он признаёт её значение только для жалких пародий на людей, каковыми с его точки зрения являются старички Товстогубы: «Г-н Гоголь сравнивает ваше глубокое, человеческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть с чувством привычки жалкого полу-человека и говорит, что его чувство привычки сильнее, глубже и продолжительнее вашей страсти, и вы стоите перед ним, потупя глаза

и не зная, что отвечать, как ученик, не знающий урока, перед своим учителем!»²⁴

Исследователи христианского направления считают, что Гоголь изобразил рутину привычки новыми красками и тем её окончательно реабилитировал. В. М. Гуминский находит

в привычке «непреходящую ценность любви в жизни человека, обыкновенной, земной любви „после брака“»²⁵. Он считает, что привычка — это тоже любовь. Она не такая яркая, но служит основанием, ни много ни мало, всего миропорядка: «Любовь-привычка... лежит в основе мироустройства, нравственного бытия человечества»²⁶. Золотуский тоже видит в привычке «подвиг любви старосветских помешников»²⁷.

Кто же прав? В контексте поставленных нами вопросов понятно, что Гоголь, но как узнать его мнение? Отождествить с рассказчиком? Да ведь и тот говорит только то, что привычка сильнее, а не лучше.

ИРОНИЧЕСКАЯ БУКОЛИКА

Интерпретационная проблема «Старосветских помешников» возникает классическим образом. Исследователи настолько старательно подчёркивают те аспекты произведения, которые вписываются в их интерпретацию, что в итоге получаются две убедительные своей односторонностью и абсолютно непримиримые между собой версии. Так, В. Г. Белинский заклеймил Товстогубов как пародию, а советский литературовед Н. К. Пиксанов считает, что «на протяжении всей повести Гоголь воздерживается от карикатуры, шаржа, иронии

24 Белинский В. Г. Указ. соч.

25 Гуминский В. М. Указ. соч. С. 12.

26 Там же.

27 Золотуский И. П. Указ. соч. С. 38.

по адресу милой ему четы»²⁸. В том-то и дело, что всё не совсем так! Жанровая парадоксальность гоголевской идиллии в том, что написана она с очевидным ироническим подвохом. И, думается, это не побочный эффект склонного к юмору автора, а концепция. Ибо зачем же подсмеиваться, и порой довольно язвительно, над тем, что тебе по-настоящему дорого?

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна Товстогубы весьма располагают: *На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя, по крайней мере, на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь*, — умиляется рассказчик хозяевам тихого уюта старосветского поместья. Повествователь, безусловно, симпатизирует своим героям, но настораживает то, что при этом он как-то нарочито ироничен. Может быть, именно в иронии и проговаривается спрятавшийся за маской рассказчика Гоголь?

В идиллию старосветского быта рассказчик сразу же, во втором предложении повести, как бы ненароком вносит диссонирующую нотку: *Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиной и грушами. Пошатнувшиеся деревенские избы рисуют картину, противоположную той элегической тональности, которую взял рассказчик. Он вроде бы умиляется, но при этом даёт сигнал: именье находится в некотором запустении.*

Гоголь всегда очень тщательно подходил к выбору имён своих персонажей, поэтому трудно пройти мимо фамилии главных героев. Смешной малороссийский вариант фамилии Толстогуб, очевидно, призван указать на господствующую страсть Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны — чревоугодие. Сквозь этот смех просматривается авторское к ним отношение. В юности степень религиозности Гоголя не отличалась от религиозности его семьи. Лишь в одном Гоголь, согласно В.А. Чаговцу, — одному из авторитетных биографов писателя, — не следовал общему правилу: «В постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и тому подобное, он даже иногда бывал недоволен. „Какой же это пост, когда все объедаются ещё хуже, чем в обыкновенные дни?“ — говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищей...»²⁹.

Трапезный стол — центр мира Товстогубов. Едят они, особенно Афанасий Иванович, не переставая, и даже помышлениями далеко от стола не уходят: *За обедом обыкновенно шёл разговор о предметах, самых близких к обеду.*

— Мне кажется, как будто эта кашица, — говорил обыкновенно Афанасий Иванович, — немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

— Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелою...

Заболевший ночью живот Афанасий Иванович лечит «гомеопатией» — едой, конечно:

— А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?

28 Цит. по: Есаулов И. А. Указ. соч.

29 Воропаев В. А. Цит. соч. С. 2.

— Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! впрочем, чего ж бы такого съесть?

— Кислого молочка или жиiden'кого узвару с сушенными грушами.

— Пожалуй, разве так только, попробовать, — говорил Афанасий Иванович.

Сонная девка отправлялась рыться по шкафам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после чего он обыкновенно говорил:

— Теперь так как будто сделалось легче.

Ну как же нет иронии? Ирония есть, однако она не отменяет идиллии, потому что это действительно ирония, а не сатира и не сарказм. Гоголь посмеивается над своими персонажами, но в чём его мысль?

СТАРОСВЕТСКИЙ «РАЙ»

Разные исследователи обращали внимание на сходство огороженного мира старосветских помещиков с раем. Признаки рая, выделяемые в поместье Товстогубов, вызывают вопросы. Возможно, Гоголь действительно апеллирует к библейским образам. Но, на наш взгляд, он использует при этом приём травести (итал. *travestire* — ‘переодевать’), облекая серьёзный сюжет в сниженную, юмористическую форму. Например, «непорочное» зачатие дворовых девок, на которое обращает внимание Е. Ю. Коржова³⁰, совершенно недвусмысленно комично. К удивлению Пульхерии Ивановны, которая строго смотрела за их нравственностью, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из её девушек стан не делался гораздо полнее обычного; тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика, который ходил в сером полуфраке, с босыми ногами, и если

не ел, то уж верно спал. Все эти ужасно объедавшиеся девки регулярно исполняют заповедь, данную ещё в раю: «Плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1: 28). И Гоголь словно бы лукаво приглашает читателя поверить в то, что делают они это каким-то райским образом непорочно.

Благословенная земля поместья производит всё в таком количестве, что незаметны даже страшные хищения. И это в раю?! Плоды благословенной земли почему-то называются дрянью и сравниваются с потопом: Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насыпалось та��ое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор... Практически полное отсутствие трудов по хозяйству легко принять за безалаберную праздность супруга и за суетные, исключительно гастрономического характера хлопоты его половинки: Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, хотя, впрочем, ездил иногда к косарям и жнецам и смотрел довольно пристально на их работу; всё бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном оттирании и запирании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений.

Можно разглядеть и другие райские признаки, но они ещё более усиливают сомнения. В описании «райского» сада Товстогубов травестийно закодирован и образ ада. В саду растут два индивидуально упомянутых дерева и горит «вечный огонь»: Под яблонею вечно был разложен огонь... Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку... В «райском» саду находится то, от чего христиане на панихиде молят Святую Троицу их «исхитити». Если яблоня символизирует древо познания добра и зла, другое дерево, по логике вещей, должно быть древом жизни. Деревья в товстогубовском саду плодоносят вечно, как и древо

30 Коржова Е.Ю. Указ. соч. С. 509.

жизни: «Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой» (Откр. 22: 2).

Возникает любопытная перекличка Небесного Иерусалима с ветхозаветным сюжетом. Лёмбик — это «верхняя часть перегонного снаряда», в обиходе называющийся змеевиком. Медный змеевик находится в ведении кучера, который *к концу процесса перегонки совершиенно не был в состоянии повернуть языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать*. Данными деталями чуть заметно прорисован антипод пророка Моисея. Медный змей считается прообразом Креста, а Моисей — одним из прообразов Христа. Косноязычный проводник евреев по пустыне воздвиг медного змея для исцеления от укусов змей (Числ. 21: 6–9). При такой интерпретации «рай» чревоугодников Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны — это благоденствие египетского рабства, которое вспоминалось изголодавшимся в пустыне еврейским народом именно как обильная трапеза: «...О, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы всё собрание это уморить голодом!» (Исх. 16: 3).

Через медный змеевик кучер перегоняет водку, которая становится скрытой антитезой «воды жизни» из той же главы Откровения: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» (Откр. 22: 1). Интересно то, что водой жизни (aqua vitae) со времён средневековья называется виноградный спирт, получаемый перегонкой вина. Своё название продукт перегонки получил за приписываемое ему свойство поддерживать жизнь и здоровье. И, вероятно, не случайно Пульхерия Ивановна, дом которой был *совершенно похож на химическую лабораторию*, всегда рассказывала гостям, от каких недугов помогает тот или иной напиток: *Вот это, — говорила она, снимая пробку с графина, — водка, настоящая на деревий и шалфей. Если*

у кого болят лопатки или поясница, то очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишай делаются, то очень помогает. А вот эта — перегнанная на персиковые косточки...

Ради экономии места заканчиваем перечисление и всех «болеющих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» (жизни) (Ин. 5: 3) отсылаем к гоголевскому тексту. А в качестве промежуточного вывода и предостережения от чрезмерного увлечения подобными рецептами отметим: старосветский сад и два его дерева выведены как антитетическое подобие рая и древа жизни, листья которого действительно «для исцеления народов» (Откр. 22: 2). Иначе говоря, гоголевская криптография изображает рай «наоборот» — рай ветхого человека. И, можно полагать, что населяющие его помещики христианскому идеалу удовлетворяют не вполне.

И. П. Золотуский восхищается жертвенностью Пульхерии Ивановны перед смертью: «Мужественная кончина Пульхерии Ивановны, и на смертном одре думающей не о себе, а о другом, о том, кто остаётся — и остаётся один, без её попечения и согревающего чувства, — высочайший акт преданности и верности любви»³¹. Да нет же, и здесь всё не совсем благополучно. Пульхерию Ивановну вряд ли можно назвать образцом христианской любви. Умирая, она приказывает ключнице Явдохе смотреть за паном и грозит ей: *Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счаствия на свете. Я сама буду просить Бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения божия*. Сразу после этой речи, в которой присутствуют признаки проклятия, рассказчик добавляет: *Бедная старушка! она в то время не думала ни о той великой минуте, которая её ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своём спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сырьим и бесприютным*.

³¹ Золотуский И. П. Цит. соч. С. 30.

Рассказчик, безусловно, сострадает Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне: *бедные* значит ‘несчастные’. Но в чём их несчастье? Ответов два, и оба правильные: несчастье старичков заключается в трагедии предстоящей им разлуки и в забвении ими Бога, о Котором Пульхерия Ивановна вспоминает только в связи с какой-нибудь угрозой. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна не молятся. В описании дома нет ни слова об иконах. Зато упоминаемый портрет *какого-то архиерея*, видимо, намекает на едва намеченную — то ли зародышевую, то лиrudimentарную — религиозность героев. Отгороженность «райской» усадьбы от мира, в котором бушуют *стремы, желания и неспокойные порождения злого духа*, мнимая, потому что границы земного и небесного миров хрупки и в любой момент могут быть разрушены. Бедные старички этого не понимают.

Помимо отношения Гоголя к чревоугодию и сладкоядению, ключом к пониманию образов главных героев могут служить и его наблюдения экономического характера. После трёх с половиной лет петербургской жизни в июне 1832 года Гоголь побывал в родной Васильевке. Малороссийская деревня навеяла на него невесёлые думы. В письме поэту И. И. Дмитриеву Гоголь печалится: «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. <...> Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. <...> Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а ониры скажут с горя за зайцами»³². Товстогубы, чья мысль сосредоточена исключительно на еде и желании накормить гостей, олицетворяют собой уже устаревший уклад жизни, которую

вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии. Их вековой инерцией движущийся быт ещё производит впечатление полноты бытия, но в нём уже явственно действует энергия распада. И удерживается он только силой взаимной любви добрых стариков. После их смерти имение будет мгновенно разорено наследником — взявшимся *неизвестно откуда* дальним родственником.

Поместье Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны — мир душевных, но духовно мёртвых людей. Их добродетели как-то слишком переплетены со страстями и недостатками. Гостеприимство сердечных стариков сопряжено с навязчивым чревоугодием, детская чистосердечность неотличима от крайнего инфантизма, доброта оборачивается попустительством воровства и блуда, любовь становится источником проклятия (Пульхерия Ивановна) и неизбывного уныния (Афанасий Иванович).

Миргород vs Міргород

Известный литературовед И. А. Есаулов, осмысляя творчество Гоголя с православных позиций, обратил внимание на расположение четырёх повестей в сборнике «Миргород» и вывел из этой композиции мифopoетическую модель четырёх эпох человеческой истории. «Золотой» век представлен в любовной идиллии «Старосветских помещиков», «серебряный» — в героическом эпосе «Тараса Бульбы», «медный» — в победе адских сил над человеком («Вий») и «железный» — в человеческой вражде «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»³³. По Есаулову, в «Миргороде» изображены периоды мировой истории и апостасийной деградации человечества. Во многом это выглядит справедливым, но слишком уж двусмыслен товстогубовский мир, чтобы служить эмблемой «золотого века».

Замкнутое пространство «рая» старосветского поместья похоже на *мир* ветхого человека. В церковном лексиконе слово *мир* (по правилам

³² Письма Гоголя // Гоголь Н. В. – Дмитриеву И. И., июль 1832 г. // <http://gogol-lit.ru/gogol/pisma-gogolya/letter-152.htm>.

³³ Есаулов И. А. Указ. соч. С. 80.

дореволюционной орфографии именно так — *миръ*) означает ‘стради’. В «раю» товстогубовской усадьбы гнездятся страсти от природы добрых, но не заботящихся о своей душе людей. В этом гибельном своей неполнотой «раю» содержится, однако, и начаток настоящего, обещанного Христом мира: «...Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мір дает» (Ин. 14: 27).

Кажется, что мир, по мысли Гоголя, принадлежит не столько прошлому, сколько будущему. Один из этимологических вариантов имени *Иерусалим* — «город Мира». Миргород — это Небесный Иерусалим, тот град, к которому и должно стремиться человечество. Міргород «Старосветских помещиков» не карикатура на него, а художественная констатация разницы между ними и призыв к преображению. «Старый свет» (*мір*) должен стать новым: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21: 1). В этой аллегорической смысловой перспективе не совсем оправданное название гоголевского сборника приобретает концептуально значимое содержание, раскладываясь на два многозначных и противопоставленных

друг другу символы:

Миргород	Миргород
1) падшее человечество	1) цель стремлений падшего человечества
2) страсти	2) христианские добродетели
3) технический прогресс, материальное благополучие	3) непрятательность и «букалическая» простота жизни

А как же разрешается выбор между любовью-страстью и любовью-привычкой? Полагаем, что Гоголь хотел бы соединить могучую силу первой и ровное постоянство второй. Пламенеющая на протяжении всей жизни юношеская по накалу любовь? Разве такое возможно? Да, если возжено это пламя от духовного источника.

«Наш весёлый и глубокий Гоголь»

Этой фразой прочитавший «Миргород» Е. А. Боратынский в письме к историку М. П. Погодину (4 мая 1835 г.) ёмко выразил суть всей

гоголевской поэтики³⁴. Смех Гоголя отмечает все. Глубина доступна не каждому. Вернее, каждый находит ту «глубину», в которой не боится утонуть. Так, славянофил и убеждённый консерватор С. П. Шевырёв понял комизм Гоголя как «безвредную бессмыслицу», критики демократического направления — как сатиру на патриархально-крепостническую Россию, а православно ориентированные исследователи — как пророческий смех сквозь слёзы.

Судя по содержанию сборника, Миргород при всей своей малороссийской детализированности выходит за этнографические и географические рамки. По этимологии, «город мира», а мира как раз нет, за исключением «Старосветских помещиков». Но, как мы старались показать, и в них только видимость мира. Есаулов пишет: «Христианская «скромная» жизнь героев для рассказчика является одновременно желанным, но недостижимым ориентиром»³⁵. Думается, жизнь их не вполне христианская, и для самого Гоголя идеалом никак не является. В момент работы над «Миргородом» Гоголь самым ответственным образом религиозен. В письме матери он говорит о воспитании своей сестры Ольги: «Внушите ей правила религии. Это фундамент всего»³⁶. Вряд ли он мог не заметить, что в изображённой им «скромной» жизни Товстогубов скрыты начала разложения — бездуховность и порождаемая ей мирская приземлённость.

Пришла пора ответить на поставленные нами вопросы и разрешить недоумение с эпиграфами, которые, по традиционно вменяемой им функции, просто обязаны быть связаны с текстом. Более того, эпиграф всегда открывает доступ к основной мысли текста. Представляется, что в нашем случае так оно и есть. Вспомним один эпизод повести.

По поводу рокового для Пульхерии Ивановны события — пропажи и возвращения её

34 Гиппиус В. В. Цит. соч. С. 689.

35 Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. С. 84 // <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=100542>

36 Письма Гоголя // Гоголь Н. В. – Гоголь М. И., 2 октября 1833 г. // <http://gogol-lit.ru/gogol/pisma-gogolya/letter-189.htm>.

кошечки — рассказчик в мнимой глубокомысленности замечает: ...*По странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события, и наоборот — великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, иссора объемлет наконец города, потом села и деревни, а там и целое государство.* «Вдруг» рассказчик вспоминает, что уклонился от повествования, и останавливается: *Но оставим эти рассуждения: они не идут сюда. И тут же как бы вскользь бросает: Притом я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями.* Вот здесь и сказывается истинный, мистифицирующий читателя и тем самым мобилизующий его на размышления Гоголь. Он почти незаметно намекает, что не просто так затеяны были эти рассуждения. Внимательного читателя ждёт где-то и практический вывод из них.

В 1829 году в «Литературной газете» за подпись «Г. Янов» вышла статья Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии», в которой он в частности отмечал недостатки учебников: «Во многих наших географиях и до сих пор ещё в определениях губернского города рассказывается, что в нём есть гимназия, соборная церковь; уездного, что в нём есть уездное училище и т. п. К чему? <...> Не нужно заниматься ничтожным и скучным для воспитанника вычислением числа домов, церквей...»³⁷. Выступая против казённого фор-

мализма учебников, Гоголь в целях воздействия на чувства воспитанников призывает включить в процесс обучения дополнительные сведения, почерпнутые «в описаниях путешественников, которых множество и из которых, кажется, доныне в этом отношении мало умели извлекать пользы»³⁸. По нашему предположению, в своих «странных» эпиграфах Гоголь снова обращается к той же мысли, правда, приспособливая её к другим целям.

В эпиграфах он даёт обзор Миргорода в двух ракурсах — масштабном, научно-rationальном, с одной стороны, и в бытовом, личностно-субъективном, с другой.

Первый ракурс — это взгляд на человека и общество в их социально-экономическом измерении. Наука (экономическая география) видит в Миргороде средства производства: фабрики, заводы, мельницы. Взгляд путешественника сосредоточен на другом, потому что ценности людей, рассматриваемых в их сущностной, бытийной индивидуальности, лежат в иной плоскости. Для человека как личности первое слово из составного политэкономического термина *средства производства* прочитывается действительно как *средства* — в их оппозиции к цели. Технический прогресс обеспечивает прирост материальных благ, но он бездушен, лишён того, что придаёт жизни подлинный комфорт.

На крупномасштабном фоне экономического Миргорода замечание выдуманного путешественника выглядит мелковато. Но оно важнее, потому что иносказательно напоминает о необходимости человечности. Даже самые незатейливые вещи (*бублики из чёрного теста*), казалось бы, заведомо уступающие своим цивилизационно продвинутым аналогам (в данном случае — *бубликам из белого теста*),

37 Гоголь Н. В. Мысли о географии. (Для детского возраста) // <http://gogol-lit.ru/gogol/kritika-gogolya/mysli-o-geografiu.htm>

38 Там же.

обретают неожиданное для них качество, потому что сделаны с душой и в гармонической атмосфере человеколюбия: *Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них ни было лучшего, всё это выносилось. Они напереворот старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство.* Старосветское поместье символизирует собой простосердечное радущие Малороссии, и вообще сельской глубинки; находящийся за его пределами мир — бурлящую столичную (петербургскую) жизнь. А вместе это две стороны российской действительности, каждой из которых не хватает того, что есть у другой.

За несколько дней до смерти Гоголь написал: «Помилуй меня грешного, прости Господи. Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповедимого Креста»³⁹. Тем не менее даже в свои последние годы апокалиптически настроенный Гоголь считал, что Россия может преобразиться светом христианства. Именно об этом его книга «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В 1835 году молодой, ещё только входивший в литературу и в большую жизнь писатель был не менее оптимистичен. В «Старосветских помещиках» он указывает средство преображения видимости мира в подлинный мир. Название сборника и «странные» эпиграфы становятся как бы зашифрованной аббревиатурой этой мысли.

Миргород имеет промышленные объекты, но сами по себе они не могут вывести человечество из ветхозаветного «райя». Путешественник, играющий роль посредника между двумя мирами, предлагает путь простоты и человечности. Но товстогубовские добродетели недостаточны и сильно похожи на зарытые в землю таланты. Говоря о кротости и простоте, преподобный Иоанн Лествичник словно бы комментирует образы старосветских помещиков: «Похвальна и блаженна и та простота, которая бывает в некоторых от природы, но не так, как претворенная из лукавства чрез многие поты и труды...; почему и награда первой не велика,

а последней преславна»⁴⁰. Товстогубы добры сытой, праздной добротой, ради приобретения которой они нисколько не трудились.

Чёрными бубликами путешественник, за маской которого, как мы думаем, скрывается Гоголь, призывает не только к пищевой умеренности, но и в широком смысле — к подвигу. Не бубликом белым жив человек. Есть высшие, чем еда и плотские удовольствия, ценности. Как ни странно, но мирные старички Товстогубы совершенно совпадают с буйными героями второй повести «Миргорода»: *И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать её до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании* («Тарас Бульба»). На наш взгляд, добрые Товстогубы, яростно религиозные козаки «Тараса Бульбы», невоздержанные герои второй части «Миргорода» — Хома Брут («Вий»), Иван Иванович и Иван Никифорович («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») — представляют собой четыре варианта псевдоцерковности. Товстогубы близки всех к христианскому идеалу. Но они живут в сонном «раю» ветхого человека, и надежды на выход из него нет. Исход оттуда возможен через одухотворение старосветских ценностей и их последующий импорт в цивилизационное пространство остальной России.

Итак, главная мысль «Старосветских помещиков», как мы её поняли, заключается в синтезе двух антитетических начал. Добродетели без деятельности и духовной основы мертвы и ведут к деградации личности. Целеустремлённая деятельность без церковных добродетелей превращается в разрушительную стихию. Необходимо соединить духовность и деятельность, положив в фундамент российской цивилизации идею христианской любви. Только не искажённая, не обезображенная страстями любовь способна стать основой того Мира, которого жаждет, порою даже безотчёtnо, Город.

39 Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 392.

40 Иоанн Синайский, прп. Лествица. М.: «Лествица», 1999. С. 309.

Историзм через призму христианства

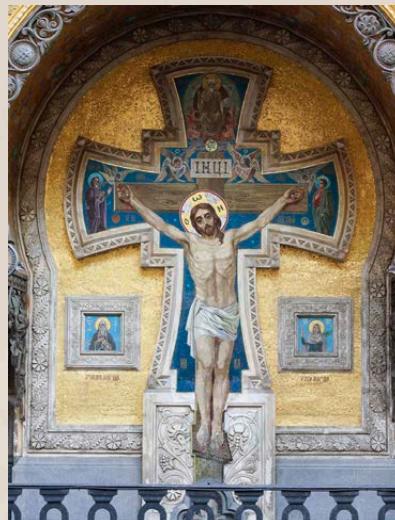
Максим Викторович Медоваров,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НИЖЕГОРОДСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Часто приходится встречать утверждение, что христианство — религия историческая по преимуществу, что ни в одной другой религии исторический аспект не играет столь центральной роли. В этом утверждении есть элемент преувеличения, хотя многое подмечено верно. Действительно, без конкретно-исторической привязки земного воплощения Сына Божия, зафиксированной даже в Символе веры («распятого же за ны при Понтийском Пилате»), критики могли бы пытаться поставить христианство на одну доску с религиями, основанными на мифах о внеисторичном спасителе. Историческая конкретика выбивает почву из-под таких обвинений.

Крупнейший религиовед XX столетия, при том православный по вероисповеданию, Мирча Элиаде уделял особое внимание отношению христианства к чувству историзма. Он выделял четыре типа отношения человека к изменениям во времени. Архаичные, «первобытные» народы вообще не желают признавать никаких перемен, воспринимая каждый следующий год как повторяющийся цикл. Пережитки такой системы представлений ощущаются в древних цивилизациях, где каждый раз на новый год происходило ритуальное «обнуление» всего совершённого и «пересоздание» мира: огни гасились и заново добывались трением, старые вещи выбрасывались, читали вслух миф

о сотворении мира, отождествляя наступление нового года или иные кризисные моменты с его повторением. Второй ступенью стали великие цивилизации Средиземноморья, Индии, Китая, Мезоамерики, в которых, при развитой науке, было уже невозможно игнорировать постоянные изменения вокруг. «Обнуление циклов» в этих цивилизациях было перенесено с годового на более длинные циклы, где-то в десятки или сотни лет (как у этрусков или майя), а где-то в миллиарды лет (как в средневековом индуизме — концепция, придуманная по мере развития высшей математики). Третья ступень представлена христианством и во многом исламом, четвертая связана с секулярным, атеистическим сознанием Нового времени.

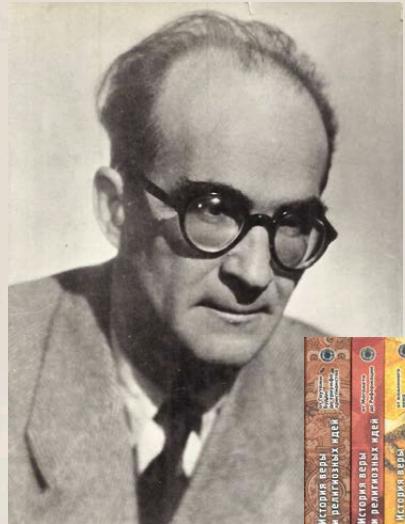
В этом, однако, и скрывается проблема, подчеркивал Элиаде. С его точки зрения, любой человек может быть спокоен только в вечном, вневременном раю и потому склонен создавать себе его иллюзию. «История» в смысле не обратимых изменений во времени для Элиаде — это кошмар и источник фрустрации для любого из нас. Вот откуда рождается потребность в реальном или фиктивном обнулении сроков. Даже чудовищные индуистские циклы (юги, кальпы, День и Ночь Брахмы) успокаивают нервного человека тем, что все беды закончатся, ничего не будет утрачено, всё повторится, пусть и спустя миллиарды лет... Лишь для атеистического сознания Элиаде не находит оправданий: человек Модерна оказывается невротиком, который судорожно спешит «взять от жизни всё», предается отчаянию от любого бедствия

(ведь он не верит ни в загробную жизнь, ни в воскресение умерших) и в конечном счете гибнет. Именно к такому человеку, а вовсе не к первобытному «дикарю», по мнению румынского мыслителя, и обращена христианская проповедь. Только человеку Модерна христианство предлагает реальное утешение и спасение от «кошмара истории».

Французский исследователь Даниэль Колонь по этому поводу даже сказал, что христианство представляется религией, специально предназначеннной для людей «железного века». Воплощение Христа и искупление человеческого рода совершилось не в начале, а ближе к концу ожидаемой истории, которая для человека исчисляется тысячелетиями, а для Бога подобна одному дню или даже ночи. Это не случайная оговорка: в первой главе Книги Бытия упомянуты вечер и утро шести дней творения, далее логически начинается вечер седьмого дня, в который Господь почил от дел своих и дал действовать человеку, но где же заканчивается эта ночь седьмого дня? А заканчивается она окончательным утром восьмого дня на последних страницах Библии, в последних главах Откровения Иоанна Богослова. Между первыми и последними страницами Писания, таким образом, оказывается сплошная ночь человеческой истории, по слову о. Павла Флоренского: «Эдемом начинается Библия, Эдемом же и кончается, ибо Агнец Апокалипсиса — радость Эдема. Браком начинается, браком же и кончается. Духом начинается, Духом и кончается. Но начинается она вечером, а кончается утром невечернего дня. Не есть ли история мира, во мраке греховном протекающая, — одна лишь ночь, один лишь страшный сон, растягивающийся в века, — ночь между тем, полным грустной тайны, вечером, и этим, трепещущим и ликующим утром? И кончена мировая — не рождение ли Земли в новую

жизнь при Звезде Утренней? И концы сливаются. Ночь вселенной воспринимается как не-сущая. Утро нового мира продолжает тот, первозданный вечер: „и бысть вечер, и бысть утро, день первый“... „Утро“ и „вечер“, ночи же будто и не бывало¹.

Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, что люди в эпоху Ветхого и Нового Завета, да что там — даже в средневековье — еще не мыслили теми категориями однообразного линейного течения времени и не ощущали историзм так, как это стало принято в Но-

вое время. Наряду с общей рамкой священной истории — от Адама до Антихриста — все еще огромную роль играло учение о круговороте поколений: соответствующие строки можно найти и в книге Екклесиаста: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки» (Еккл. 1: 4). В массовое сознание простонародья в христианских странах линейное понимание времени тем более не проникало вплоть до XIX–XX веков.

Но даже среди образованной элиты подлинный историзм, исключающий анахронизмы, формируется только между серединой XVIII и серединой XIX века (интересующихся адресуем к труду Фридриха Мейнеке²), после чего становится господствующим стандартом не только исторической науки, но и иных социогуманитарных дисциплин (социологии, лингвистики и т. д.). Для христиан древности и средневековья гораздо характернее было представление о неизменности основных общественных установлений: ветхозаветных персонажей рисовали в современных одеждах, а средневековые короли подчас стремились

1 Флоренский П. Сочинения в 4-х тт. Т. 3 (1). М.: «Мысль», 2000. С. 33.

2 Мейнеке Ф. Возникновение историзма. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.

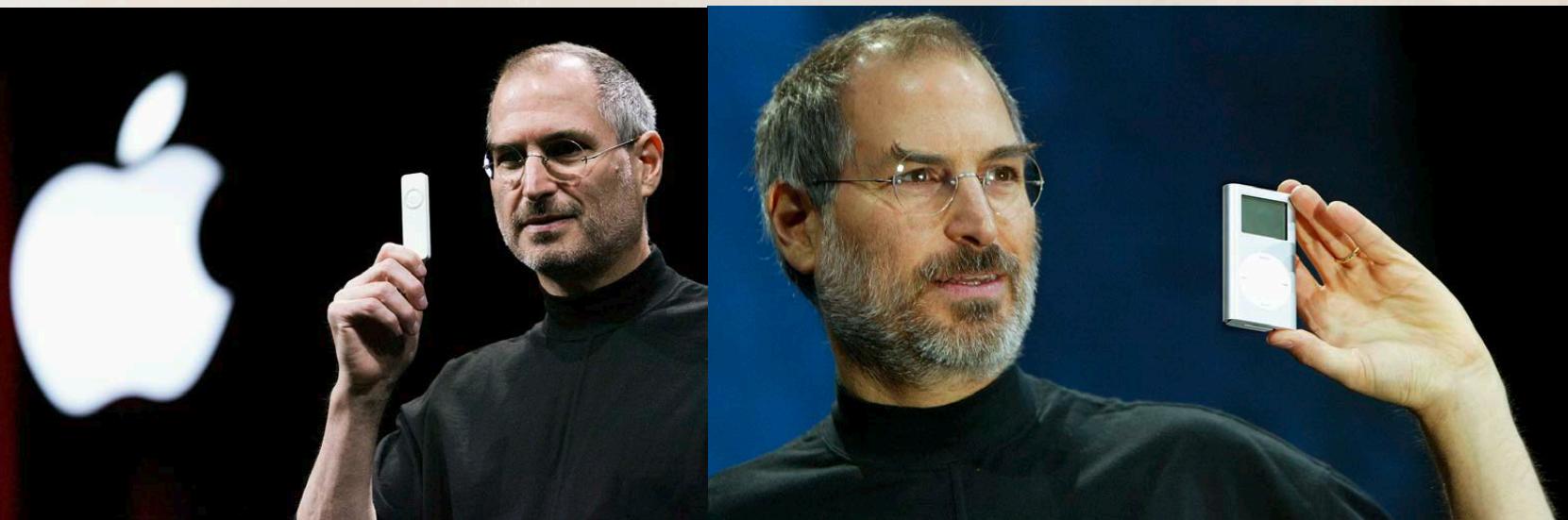
буквально копировать Давида и Соломона. Совсем иначе стали смотреть на это в новейшее время, с возникновением библейской археологии и современным уровнем филологической библейской критики. Сегодня уже сложно представить современное богословие и апологетику, которые стали бы игнорировать результаты текстологических исследований или раскопок в местах событий Ветхого и Нового Завета, и никто уже не воспринимает эпонимы народов из книги Бытия как имена конкретных лиц.

Вместе с тем ситуация намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Антихристиански ориентированные исследователи, в том числе и среди радикальных направлений «либерального протестантизма» (того, что в Германии определяется словом *freisinnig*), зачастую толкуют любые находки археологов и филологов в смысле отрицания базовых основ христианского вероучения и достоверности библейских данных. Зачастую позднейший масоретский текст Библии, составленный иудейскими книжниками уже после появления христианства, такими «критиками» противопоставляется более аутентичному переводу Семидесяти толковников и иным принятым Церковью переводам Священного Писания. К сожалению, уже более ста лет подобные методы недобросовестных антицерковных интерпретаций появляются иногда в трудах некоторых богословов из числа умеренных протестантов, католиков и даже православных. Отвергнуть подобные инсинуации можно, лишь показав порочность самого метода, который является глубоко антиисторичным и фундаменталистским.

Христианская Церковь потому исторична, что развивалась во времени и сейчас непохожа на свое состояние в апостольские времена, как непохож дуб на тот желудь, из которого он вырос, но это один и тот же организм. Залогом историчности развития Церкви является водительство Святого Духа, столь очевидно проявляющееся на Вселенских и приравненных к ним соборах. Возносясь на небо, Сын Божий оставил в мире Духа Утешителя, который

и направляет пути Церкви. В этом заключается подлинный христианский историзм. Попытки критиков-фундаменталистов указать на отличия каких-либо ранних текстов или находок, богословских формулировок первых веков христианства от утвержденных позже являются методически некорректными и антиисторичными. В сущности, они представляют собой непрощаемый грех хулы на Святого Духа, отрицание реальности Его действия в земной Церкви на протяжении двух тысяч лет (а в сущности, и больше, поскольку до Нового Завета Господь также ни на миг не оставлял человеческую историю).

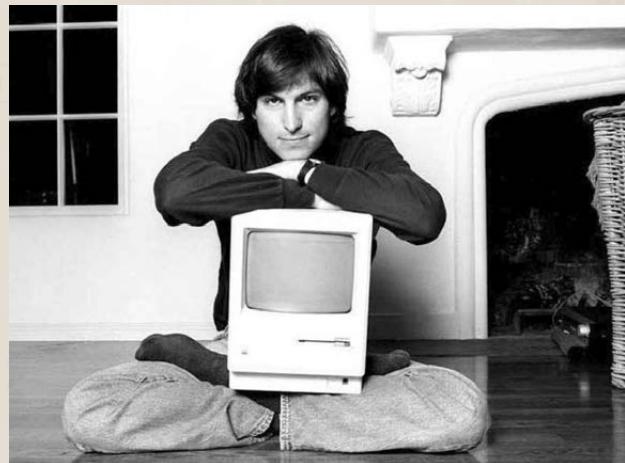
Отрицание живого Предания (зачастую даже неписаного) и апелляция лишь к букве некоторых ранних, хотя в любом случае сомнительных, текстов ведет к подмене христианства чем-то совершенно иным и противоположным ему по духу — антиисторическим фундаментализмом. Один из наиболее близких к православному святоотеческому богословию протестантских теологов, шотландец Джордж Макдональд нарисовал изумительную иллюстрацию этого противопоставления. Одному из персонажей его романа «Томас Уингфолд, викарий» однажды приснилось, что он нашел самый ранний, подлинный текст Евангелия от Иоанна, и желал прочитать его, но тут сам апостол Иоанн Богослов вырвал у него из рук эту книгу и сжег ее со словами: «Сын человеческий, Слово Божие живет и пребывает вовеки не на страницах книги, но в сердце того, кто повинуется Ему в любви». Живое Предание Церкви, утвердившей под водительством Святого Духа именно каноничный вариант текста Писания, оказалось сильнее критических измышлений фундаменталистов. Тем самым еще раз оказался проиллюстрирован тезис о том, что христианству присуща совершенно особая разновидность исторического и вообще гуманистического мышления, неповторимое чувство обостренного историзма в оптике Вечности, резко выделяющее его из ряда иных религий и мировоззрений.

Стив Джобс – секулярный пророк современности

ИЕРЕЙ Анастасий Николаевич Сухомлинин,
кандидат богословия, преподаватель
Нижегородской духовной семинарии

Имя Стивена Пола Джобса (1955–2011) знакомо, наверное, каждому человеку, который пользуется информационными технологиями. Этот американский предприниматель был одним из тех, кто сформировал облик современного информационного общества, его часто называют отцом цифровой революции, и личность этого человека еще при жизни стала культовой. Созданная Стивом Джобсом компания Apple имеет капитализацию одну из самых больших в мире, ее история является очень популярным примером ведения бизнеса. Успехом своей компании Стив Джобс доказывал всему миру правоту своих взглядов. Несмотря на сверхприбыли Джобс был готов работать бесплатно, богатство для него никогда не было целью, свое призвание он видел в том, чтобы изменить мир, достичь во всем совершенства. Называя Стива Джобса секулярным пророком, мы хотим показать, что этот человек возвестил человечеству новые

духовные ценности, лишь посредственным образом связанные с религией, для гения инженерной мысли были неприемлемы любые догмы и доктрины, он ассоциировал истину с постоянным поиском.

Джобс был практикующим дзен-буддистом, и основные положения этого учения стали философским фундаментом для созданных им компаний (Apple, NeXT, Pixar)¹. Будущий

1 Шлендер Б., Тетцели Р. Становление Стива Джобса. М.: Изд-во МИФ, 2016. С. 24.

изобретатель воспитывался в лютеранской семье, но в 13 лет у него произошел разрыв с христианством. В одном из номеров журнала Life на обложке Стив увидел фото голодающих африканских детей. Он показал это фото пастору и спросил:

— Знает ли Господь, что эти дети голодают?
— Стив, я знаю, что тебе трудно в это поверить, но Господь знает об этом, — ответил пастор².

Стив Джобс разочаровался в Боге и после этого случая больше никогда не посещал церковные собрания. Пастор не стал оправдывать несправедливость, но предоставил неравнодушному подростку возможность ее исправить.

Духовный поиск привел молодого Джобса к восточной философии, он посещал Индию, где тесным образом знакомился с индуизмом и пытался найти для себя гуру, но вскоре его интересы сместились в сторону буддизма, так как в сравнении с аскетичным индуизмом буддизм более активно связан с окружающим миром. Для Джобса было очень важно изменить не только себя, но и мир вокруг.

Вернувшись в США, юноша попал под влияние учителей дзен-буддизма, и это учение очень сильно повлияло на образ его мыслей. Одно из отличительных положений дзен-буддизма

заключается в отречении от знания, так как оно препятствует достижению истины, отождествляемой с озарением. В своей деятельности Джобс опирался не на рациональные суждения и логический анализ, а на интуицию, предугадывая запросы будущих покупателей и создавая товар, имеющий мало общего с тем, что было создано ранее. Надо заметить, что в дзен-буддизме не установлена обязанность для последователя стремиться к состоянию нирваны или бодхисатты, главное — уметь жить здесь и сейчас, воспринимать жизнь во всем ее богатстве и красоте.

Стиву Джобсу была свойственна мания величия, которая выражалась в деспотическом стиле управления, а также в патологическом перфекционизме. Оправдание такого поведения Джобс находил в дзен-буддизме. Как известно, дзен-буддизм — это разновидность школы махаяна, согласно учению которой Будда не просто человек, Будда — это абсолютная реальность, метафизическая субстанция, являющаяся подлинной сущностью всех дхарм, то есть всего сущего³. В дзен-буддизме перед человеком не ставится задача достичь нирваны, но при этом не исключается возможность соединиться с Буддой. Духовный наставник

² Айзексон У. Стив Джобс. М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 20.

³ Корытко О. прот. Homoreligious: на путях поиска истины. Авторский курс лекций по «Истории нехристианских религий». М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. С. 643.

Джобса Сюнрю Судзуки в своей книге писал: «Когда вы кланяетесь Будде, у вас не должно быть мысли о Будде, вы просто становитесь одним целым с Буддой, вы уже сам Будда»⁴. С христианской точки зрения это высказывание может быть истолковано как попытка самообожения. При восприятии себя богом (Буддой), категории добра и зла теряют абсолютный характер, человек полагается на собственное понимание главнейших этических категорий. Но человек не может быть сам себе закон, так как существует множество внешних нравственных требований, с которыми надо считаться. Профессор философии Киевской духовной академии П. Юркевич (1826–1874) заметил, что если разум из собственных сил и средств устанавливает законы душевной деятельности, то в таком случае необходимо признать, что достоинство человека сводится только к мышлению⁵.

Вполне вероятно, что логотип компании Apple, надкусанное яблоко, имеет отсылку к библейскому эпизоду вкушения Адамом и Евой плода от дерева познания добра и зла. Когда дьявол искушал первых людей, то он им обещал, что, вкусив плода от дерева познания

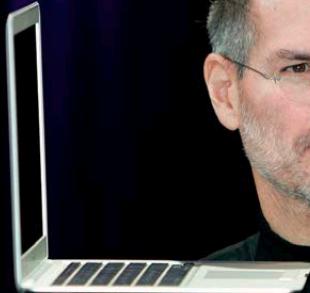
4 Судзуки С. Сознание дзен. Сознание начинающего. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 30.

5 Юркевич П. П. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 562.

добра и зла, они станут как боги (Быт. 3: 5), то есть они получат прерогативу устанавливать собственные законы, определять содержание добра и зла. Вопреки распространённому мнению, логотип компании не имеет никакого отношения к математику Аллану Тьюрингу, который покончил жизнь самоубийством, съев отправленное яблоко⁶.

В своей самой известной публичной речи, произнесенной в 2005 году, Джобс говорил о том, что является в жизни самым главным, его слова стали манифестом молодого поколения. Смысл этой речи сводится к убеждению, что самым главным в жизни является любимое дело, единственный способ быть полностью довольным — это делать то, что, по мнению человека, является великим делом. Джобс действительно верил, что создание цифровой техники является великим делом. Надо отдать должное этому изобретателю, что свой талант он применял исключительно в мирных целях, и, очевидно, что персональный компьютер Macintosh принес людям больше пользы, чем высокотехнологические ракетные установки. Однако техника стала для Джобса кумиром, он придавал своим изобретениям сакральность. Например, для обывателя недоступно внутреннее содержание устройств Apple, разобрать

6 Айзексон У. Цит. соч. С. 7.

их можно только в специализированном центре, внутри корпуса не содержатся секреты, но очень важно, чтобы устройство имело оттенок непознаваемости. Используя свою харизму, успешный бизнесмен убедил миллионы людей в том, что его творения являются очень важными. Не глядя на технические характеристики, люди по всему миру с ажиотажем воспринимают новинки от Apple. С православной точки зрения мы не можем признать, что смысл жизни заключается в том, чтобы делать то, что человеку нравится, ведь, по сути, это нарушение второй заповеди «не сотвори себе кумира». Очень хорошо, когда у человека есть любимое дело, но любой труд должен способствовать раскрытию образа и подобия Божьего. Богу угоден труд, который не сопровождается тщеславием. Очень лаконично православное отношение к труду выразил святитель Феофан Затворник: «Бог любит тружеников, только б они смиренны были и о себе много не думали»⁷.

Говоря о личности секулярного пророка современности, нельзя не упомянуть о его бунтарском духе. Джобс часто игнорировал существующие в обществе правила, в молодости имел очень эксцентрическое поведение, употреблял наркотики. Бунт не может быть

одиночным, это коллективное явление, и без поддержки команды инженеров, программистов, маркетологов Джобс никогда бы не добился славы. Надо осознавать, что команда специалистов Apple занимается не только разработкой новой цифровой техники, но и навязывает потребителям собственное видение мира, представление о совершенстве. Стив Джобс создал вокруг себя сообщество единомышленников, всецело посвятивших себя цели изменить мир с помощью цифровых технологий, сделать их максимально доступными. Действительно, они в значительной мере влияют на жизнь человека, уже сложно представить мир без доступного Интернета, без библиотеки, помещающейся на ладони, очень частого общения. Однако пока сложно сказать, с какими проблемами столкнется человечество в дальнейшем, с развитием ИТ-сферы.

⁷ Феофан Затворник, свт. Собрание творений. Письма. Ч. 5 // Цитаты святых отцов Православной Церкви // <https://svyatye.com/citata/Feofan-Zatvornik-O-rabote/7590.html>

«О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты Закон звезды и формула цветка»

Людмила Палегешко, катехизатор
прихода в честь иконы Божией
Матери «Всех скорбящих Радость»

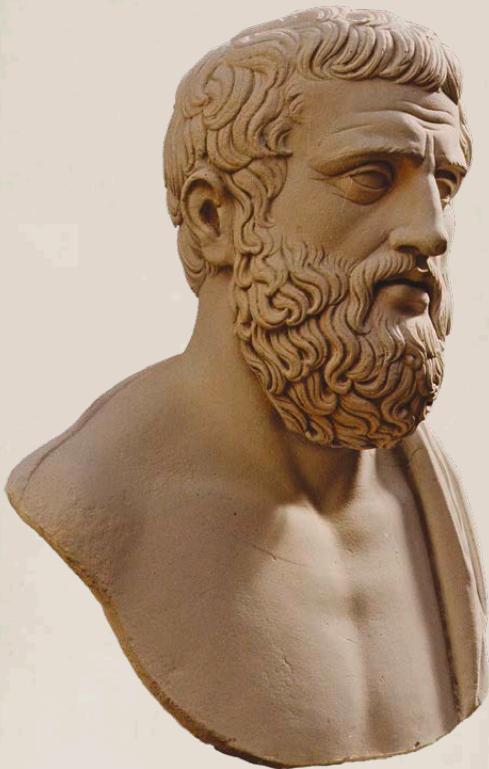
Мы привыкли многие вещи и явления воспринимать как данность, не слишком задумываясь о корнях и процессе формирования этих самых явлений. Вот физики и лирики, они же технари и гуманитарии... Вечное противостояние. А противостояние ли? С какого времени оно стало очевидным? По каким критериям сравнивать: соотношение численности технарей и гуманитариев в мире, количество университетских факультетов, степень одаренности или даже талант, необходимые для изучения

В заглавии цитата из стихотворения Марины Цветаевой «Стихи растут, как звезды и как розы».

точных или гуманитарных наук? А с какого возраста можно безапелляционно утверждать: «Ну, он технарь...»? Как правило, безуспешные сражения с математикой или физикой в школьные годы становятся поводом говорить о «чистой воде гуманитариях», а в качестве утешения принято вспоминать о Пушкине и его лицейской двойке по математике.

Попробуем кратко проследить развитие классификации науки и образовательных систем и отметить, откуда пошло и чем обусловлено деление на технарей и гуманитариев.

Аристотель считал, что мир настолько изменчив, что нельзя ничего классифицировать до конца. Он выстраивал иерархию наук: высшие — это науки теоретические, ниже — практические, третья группа — поэтические.

Аристотель

ка), а поэтические (риторика, поэтика, эстетика) — познание ради красоты и украшения жизни. То есть предполагалось, что гуманитарная сфера открывает основные законы универсума и украшает жизнь. А в трехступенчатой системе античного образования превалировали грамматика, риторика и философия.

В средние века тривиум, то есть гуманитарные дисциплины (грамматика, логика и риторика), составлял первую ступень образования. С одной стороны, тривиум был проще, чем квадривиум, но с другой — это была элементарная база, без которой нельзя было приступить к точным наукам.

На заре Нового времени Фрэнсис Бэкон создает классификацию наук, основанную на свойствах человеческого ума. Памяти соответствовала история, воображению — поэзия, разуму — философия. А уже внутри философии он выделял естественную теологию: учение о природе — физику и метафизику — и учение о человеке. То есть опять-таки на первом плане — науки гуманитарного плана.

Фрэнсис Бэкон

Вильгельм Виндельбанд

Теоретические — это познание ради познания (философия, теология, физика), практические — познание ради пользы (политика и этика), а поэтические (риторика, поэтика, эстетика) — познание ради красоты и украшения жизни.

То есть предполагалось, что гуманитарная сфера открывает основные законы природы, а природные явления в их уникальности и неповторимости. Позднее Г. Риккерт переименовал номотетические науки в науки о природе, а идиографические назвал науками о культуре. В середине XIX века начинают употреблять понятие науки о духе, относя в эту категорию историю, лингвистику, этику, эстетику, социологию.

Науки о духе! В отличие от естественных наук они опираются не только на принцип причинности, но и на определенные цели и суждения о целях. А верность и справедливость суждений и оценок касательно явлений окружающей действительности — исторических фактов, общественных явлений — напрямую зависит не только от знаний, но и нравственных принципов историков, филологов, философов, социологов. Значит ли это, что в список профессиональных качеств гуманитариев должны входить беспристрастность, честность и объективность, ведь их профессиональная деятельность практически всегда имеет педагогический аспект, даже если они напрямую не занимаются проблемами воспитания и обучения?

Физики и математики, микробиологи и химики, программисты и инженеры-генетики,

Славяно-греко-латинская академия

несмотря на всю важность их работы для нужд человечества, не становятся «властителями дум», не формируют общественное мнение, не определяют мировоззрение поколений. Проникая в тайны мироздания по попущению Божьему и совершая открытия, ученые не только облегчают жизнь человечества, но и закономерно порождают нравственно-этические проблемы, разрешать которые приходится именно гуманитариям. Клонирование, ЭКО, искусственный интеллект, эвтаназия — сначала они фактически появились в жизни общества, а уже потом вызвали споры о нравственной стороне этих явлений.

Что касается образования в России, то, как известно, первым высшим учебным заведением становится в 1687 году Славяно-греко-латинская академия. Греческий, риторика, грамматика, пийтика, латынь, философия — в наши дни такую учебную программу выберут исключительно гуманитарии. В среднем образовании к началу XX века ведущим выступало гимназическое, базировавшееся на изучении

классических и современных языков, и, тем не менее, выпускники гимназий впоследствии обучались на медицинских и физико-математических факультетах, ведь реальные училища, ориентированные на естественно-научный профиль, были задуманы как учебные заведения для низших сословий.

С некой периодичностью модными и востребованными профессиями становятся то связанные с точными и естественными науками, то с гуманитарными дисциплинами. Спустя какое-то время наступает кризис «перепроизводства» специалистов (часть их становится невостребованной) и ажиотаж вокруг определенных факультетов и специальностей снижается.

В нашей стране в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века конкурс на технические специальности был значительно выше, и сколько же из стен физико-математических и архитектурно-строительных ВУЗов вышло поэтов-бардов и писателей. Можно ссылаться и на неверный выбор профессии, но, может, гуманитарная — она же лирическая — сторона личности оказалась не менее сильной?

Как известно, людей принято делить на правополушарных и левополушарных и превалированием определенного полушария традиционно объясняют гуманитарную или техническую направленность. Это слишком обобщенно. В последнее время ученые выяснили, что не просто полушарие мозга отвечает за решение математических задач, а особая нейронная сеть. А если задачу решает гуманитарий, эти зоны мозга не активизируются. Человеческая память ассоциативна, и гуманитарию для запоминания достаточно частично-го совпадения по нескольким характеристикам, чтобы запомнить информацию, то есть процесс запоминания носит приблизительный характер. Вследствие чего память у гуманитариев более гибкая, а мозг технаря несколько раз все перепроверит, прежде чем положить информацию на определенную «полочку».

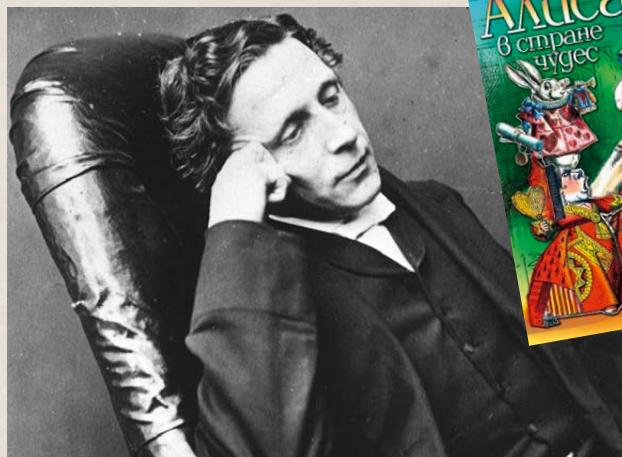
А вспомните, в каком возрасте вы или окружающие решили, что ваша судьба — это либо интегралы и микросхемы, либо категорический

императив и хронология средних веков? Часто судят по принципу: получается — не получается, даётся математика — не даётся; реже задумываются, а что на самом деле интереснее. Как сказал один мой семиклассник про своих одноклассников: «Да какие они гуманитарии, чтобы быть гуманитарием, надо хотя бы одну книгу прочитать...».

А ведь не-гуманитарии тоже пишут книги, и очевидна закономерность: если специалист в узкой области хорошо владеет словом, вырабатывает свой индивидуальный стиль (что, по общему мнению, является по большей части признаком гуманитария), то его книги читать интереснее. А то, что увлекает, легче воспринимается и быстрее запоминается.

А случается и так, что технари пишут книги, которые потом становятся классикой. Самый известный пример — Чарльз Лютвидж Доджсон, магистр математики, дьякон английской высокой церкви, фотограф, которого весь мир знает как Льюиса Кэрролла, автора «Алисы в Стране чудес», «Алисы в Зазеркалье» и «Охоты на Снарка». Нина Демурова в биографии Кэрролла цитирует

Чарльз Лютвидж Доджсон

Александр Григорьевич
Мордкович

русского математика Юрия Данилова: «...многие ученые, занимающиеся семантикой и семиотикой, необычайно высоко оценивают эксперименты Кэрролла с языком, а историки науки вынуждены признать, что логические работы Кэрролла скорее намного опережали свое время, чем отставали от него»¹. Интерес к математике пробудился в юном

Чарльзе в возрасте примерно восьми лет, когда он принес отцу книгу с логарифмами и попросил объяснить, что это такое. Над «Алисой» он начнет работать в тридцать лет. А потом над переводами его книг будут биться лучшие специалисты, стараясь донести до читателя уникальный сплав логических загадок и блестящего стиля английского языка викторианской эпохи. Так кто же он: гуманитарий или технарь?

Легко и изящно решает вечный спор Александр Григорьевич Мордкович, заведующий кафедрой математического анализа математического факультета МГПУ и автор современных школьных учебников по математике: «Математика в школе — преимущественно гуманитарный учебный предмет. Гуманитарный — это значит общекультурный предмет, который позволяет субъекту правильно ориентироваться в окружающей действительности и „ум в порядок приводит“»². Неожиданно, но вряд ли гуманитарии будут против такого определения математики.

1 Демурова Н. М. Льюис Кэррол. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 380.

2 Мордкович А. Г. О некоторых проблемах школьного математического образования // files.lbz.ru

*Памяти Николая
Константиновича
Гаврюшина*

**13 августа 2019 года почил
о Господе выдающийся
ученый, философ,
историк философии
и богословия, профессор
Московской духовной
академии, преподаватель
Нижегородской духовной
семинарии Николай
Константинович Гаврюшин.
Публикуем воспоминания
некоторых преподавателей
Московской духовной
академии и преподавателей
Нижегородской духовной
семинарии о дорогом
Николае Константиновиче.**

**Христианин,
эрudit,
философ**

Протоиерей Владислав Цыпин,
доктор церковной истории, профессор
Московской духовной академии
(текст впервые опубликован
на сайте «Православие.Ru»):

— Николай Константинович был совершен-
но незаурядный ученый, незаурядный в том
числе по своей эрудиции в истории философии,
в истории Церкви и богословия. Он обладал
обширными знаниями и в более широкой об-
ласти — в истории культуры в целом. Он, как
и я, в свое время окончил филологический
факультет МГУ им. Ломоносова. Так что он
хорошо знал и русскую, и западную литературу.
Был он и лектором высокого класса.

Можно припомнить вот еще какое обсто-
ятельство. Его первые публикации на цер-
ковные и богословские темы выходили не под
его именем. В конце 1970-х и первой полови-
не 1980-х годов советские ученые, работав-
шие в официальных светских учреждениях,
не имели возможности публиковать работы
под своим именем в церковных органах печати.

А Николай Константинович был автором ряда
очень глубоких статей в «Богословских тру-
дах», которые были подписаны не его име-
нем. Эти публикации тоже надо обязательно
иметь в виду, если пытаться делать обзор его
наследия.

Он был человек твердых убеждений и умел
их отстаивать. Уровень полемики, которую ему
порой приходилось вести на конференциях
и семинарах, в печати, был на очень высоком
уровне.

Он отстаивал чистоту традиционного право-
славного богословия. В 1980-е годы это было
связано с его очень острой полемикой с софи-
ологическим направлением в богословской
мысли. Это было достаточно заметным яв-
лением и вызывало, возможно, раздражение
в некоторых кругах приверженцев данного
направления. Ему, я полагаю, была близка та
концепция истории богословской мысли, кото-
рая содержится в трудах протоиерея Георгия
Флоровского.

Царствие ему Небесное!

Модест Алексеевич Колеров,
историк, издатель (текст впервые
опубликован на сайте «Православие.Ru»):

— Николай Константинович — редкий ныне пример энциклопедизма, тесно связавший богословие и философию с естественнонаучным знанием. Именно поэтому, просто в продолжение своей глубокой междисциплинарности, он самостоятельно мыслящий человек, свободный от кланов и сект. Человек, свободно и критически принявший сторону нашей Церкви, несший высокое бремя полноты нашей культуры в нашей Церкви. Важно и еще одно очевидное: Николай Константинович был ярким личным примером социал-консервативного синтеза и легко отвергал царебожническую критику социализма как акта стадности и партийности.

Я имел счастье публично в последние (как оказалось) дни жизни Николая Константиновича назвать его «живым классиком» — и я уверен, что он прочел эти мои слова о нем. Теперь он ушел в вечность. И мы с полной уверенностью должны назвать его классиком, не рискуя.

Николай Сергеевич Плотников,
философ, историк философии (текст
взят из Facebook Плотникова):

— Скончался замечательный ученый и человек, исследователь русской интеллектуальной истории, профессор МДА Николай Константинович Гаврюшин. Это очень тяжелая утрата для гуманитарной науки!

Будучи крупным знатоком и древнерусской, и современной философской, богословской и эстетической мысли, Гаврюшин был одним из редких авторов, способных осуществлять перевод европейской религиозной традиции на язык современной светской культуры — без искажений и модернизаций, но и без слепой приверженности старине.

Начав как исследователь древнерусской культуры, он стал выдающимся специалистом по русской богословско-философской традиции от Илариона до Владимира Лосского. Его фундаментальная «История русского богословия» стоит в ряду лучших исследований религиозной мысли вместе с работами Г. Флоровского и И. Смолича.

Я с ним познакомился в редакции журнала «Вопросы философии» в начале 1990-х, когда он уже стал известен своими статьями и книгами о русской религиозной эстетике и антропологии. Он увлекал своим критическим научным духом и глубоким знанием традиций, позволявшим ему уверенно высказываться с критикой царивших тогда (да и сейчас) мифов о «русской идее», о «русском космизме». Своими исследованиями он устанавливал масштабы научности в постсоветской гуманитарной науке. А подготовленные им в те годы антологии текстов о «Философии русского религиозного искусства», о религиозной антропологии, о смысле жизни и по сей день являются ценнейшим источником для изучения русской интеллектуальной истории...

Невозможно поверить, что столь внезапно и столь рано оборвалась жизнь этого замечательного человека! Вечная ему память!

Иерей Михаил Уланов,
преподаватель Нижегородской
духовной семинарии:

— С Николаем Константиновичем Гаврюшиным я познакомился во время моей учебы в семинарии. Для меня это было время увлечения философией, и наше знакомство сказалось на нем особым образом. Дело в том, что проф. Н. К. Гаврюшин был очень харизматичным человеком. Создавалось впечатление, что каждая его лекция была импровизацией. Он говорил живо, увлеченно, никогда не читал по бумажке, мог себе позволить принести на занятие какую-нибудь книгу немецкого или французского мыслителя и зачитать оттуда ряд мыслей, переводя их для нас на ходу.

Конечно, такое отношение к предмету оставляло свой след, и в бытность учебы в Московской духовной академии вопрос о научном руководителе для моей работы был решен сразу. Николай Константинович в руководстве имел очень тонкое чувство такта: поддерживая докторанта, с одной стороны, он, с другой — никогда не навязывал

ему свой или же просто общепринятый взгляд на тему научных изысканий. Поэтому работы под его началом получались интересные, правда, не бесспорные, во всяком случае, дискуссионных тем в них было немало. И выпускная квалификационная работа, которую я защищал в 2012 году, тоже была такой, защита проходила бурно, в обсуждениях и дискуссиях, и оставила в душе глубокое удовлетворение.

Мы очень сильно подружились в последнее время. Каждый раз, когда Николай Константинович приезжал в Нижний Новгород для преподавания, мы выделяли с ним один вечер, который проводили в беседах на самые разные темы.

Конечно, мне его очень не хватает, для меня он стал дорогим другом. И есть момент, о котором я жалею. Николай Константинович неоднократно приглашал меня к себе в гости в Москву, хотел показать свои книги, которые он долгое время собирал, а я так и не нашел времени к нему приехать. Так всегда, думаешь, что то, что тебя окружает, продлится вечно, но теперь в вечности он, а мне остались лишь молитва и очень теплые воспоминания.

**Иеромонах Лаврентий (Собко),
преподаватель Нижегородской
духовной семинарии:**

— С Николаем Константиновичем Гаврюшиным я познакомился, ещё будучи студентом семинарии. Он, наряду с Конем Романом Михайловичем, был приглашен в нашу семинарию как преподаватель Московской духовной академии. Нам, юным семинаристам, было любопытно, что же это за преподаватели и чем они отличаются от тех, которые преподают у нас.

Николай Константинович сразу же произвёл на нас впечатление великолепного эрудита и очень доброго человека глубокой христианской веры и нравственности. Он преподавал у нас на V курсе русскую религиозную философию. Содержанием предмета, как можно подумать, была не религиозная философия таких мыслителей, как Соловьёв, Бердяев и других, но религиозное мировоззрение видных деятелей дореволюционных академий и семинарий. Стиль преподавания также отличался: это было не сухое перечисление фактов биографии или написанных произведений, не рассказ о тех или иных догматических тонкостях, а погружение в эпоху, презентация личности, мировоззренческие вопросы и самое главное — сомнения и проблемы.

Как оказалось, ранее изучаемые нами религиозные деятели, богословы, священнослужители размышляли над теми же самыми проблемами и задавались теми же самыми вопросами, которые интересовали и нас — молодых семинаристов. Они представили перед нами не бронзовыми памятниками самим себе, которым можно лишь поклоняться, не кабинетными учёными, интересующими пустыми, никому не нужными вопросами, а живыми людьми, членами Церкви, в которых живёт Дух Божий.

Как теперь видится — а большое всегда видится на расстоянии, — таким же живым человеком, мыслителем, выдающимся учёным был и сам Николай Константинович Гаврюшин. В нём через духовное и интеллектуальное преемство исполнилось известное Павлово утверждение: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 11: 1). Николай Константинович стал для меня и для многих других моих коллег, преподавателей и студентов, путеводной звездой, задал для многих из нас вектор духовной жизни, помог определиться с направлением

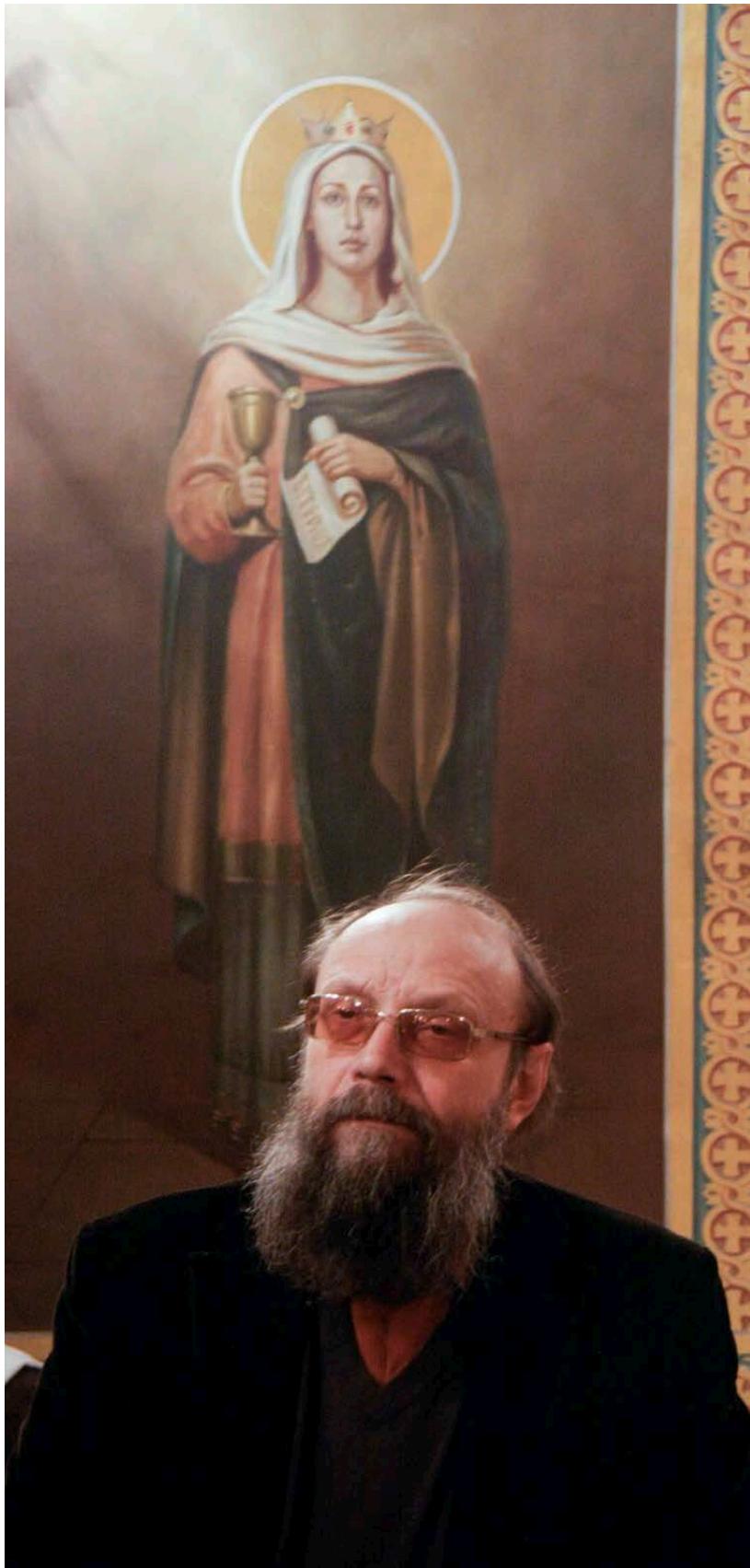
научных поисков. Как настоящий христианин, он не заменял собою студента или аспиранта в исследованиях, не стремился довлечь над ними, знакомил с новейшими работами, приоткрывал перед нами дверь в мир современного русского богословия. Николай Константинович искренне радовался нашим успехам и старался развеять сомнения. Для многих он сделался уже не просто наставником, но в действительности духовным отцом. Именно таким — мудрым и любящим — он останется в нашей памяти и в наших сердцах на короткое время расставания перед новой встречей в Царствии Божием.

Даниил Викторович Семиков,
проректор по учебной работе:

— В современных духовных школах есть такое понятие — «пиджак». Это тот, кто активно преподает в духовных школах, не имея при этом священного сана. Очень часто именно «пиджаки» составляют костяк профессорско-преподавательской корпорации, так как сама церковная наука является их служением. Именно служением, а не работой. И наш незабвенный Николай Константинович был патриархом «пиджаков», совмещая искреннюю веру с глубоким умом и Богом данным даром преподавания.

Это очень редкий дар — совмещать научную объективность и подлинную духовность. В многовековом русском противостоянии между интеллигенцией и православием пример Николая Константиновича показывает, что диалог между ними не только возможен, но и плодотворен.

Николай Константинович был, прежде всего, выдающимся историком русской религиозной мысли. Но для нас, его учеников, он сам был воплощением религиозно-философской традиции, не только ученым, но и мудрецом. Николаю Константиновичу теперь открыта вечность, а нам осталась память, память о нашем учителе, который сам стал частью истории великой русской культуры.

Содержание

Редакционная колонка

- 1** Слово главного редактора
 - 2** Духовная культура Востока и Запада

Тема номера

- 4** Проблема «Восток-Запад» в творчестве евразийцев
 - 10** Особенности и принципы русского национального самосознания
 - 16** Западная философия в поисках границ разума
 - 22** Черный барон и красная Монголия

События жизни духовной школы

- 21** В Нижегородской духовной семинарии прошла проверка Учебного комитета
 - 21** Литературный вечер «На волне поэзии»
 - 46** Всероссийский круглый стол «Церковь и пандемия»
 - 46** III Всероссийская научно-богословская конференция «Восток и Запад в духовной культуре России: диалог и противостояние (от Александра Невского до наших дней)»

Вера от слышания

- 30** Религия и киноиндустрия: от истоков до новых религиозных движений
Живой опыт в живых словах

38 Храм-часовня в честь преподобного Серафима на юге Индии
Разрывы и связи

48 Цивилизационный проект Н. В. Гоголя (повесть «Старосветские помещики»)

63 Историзм через призму христианства

66 Стив Джобс — секулярный пророк современности

70 «О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты Закон звезды и формула цветка»
Помни наставников твоих

74 Христианин, эрудит, философ

